Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 г. СПб.: Дм. Буланин, 2004.

Е. Г. ЛУНДБЕРГ

I. АВТОБИОГРАФИЯ. II. ПИСЬМА К А. М. РЕМИЗОВУ

Публикация Е. Р. Обатниной

Прозаик, критик, издатель Евгений Германович Лундберг (1883—1965) прожил долгую жизнь в литературе. Он начинал свою творческую карьеру среди писателей-модернистов в журнале «Новый путь», буквально сразу оказавшись на авансцене русской культуры начала XX века. Его первая встреча с А. М. Ремизовым (1877—1957) состоялась в 1905 г. благодаря дружескому посредничеству философа Льва Шестова. Однако эмоциональный и интеллектуальный контакт между двумя начинающими литераторами установился не сразу. Шестов, который был для Е. Лундберга не только учителем, но и заботливым покровителем, чутко уловил диссонанс, возникший между его молодым воспитанником и Ремизовым во время первой встречи. «Лундберг, — делился он с А. Ремизовым в письме от 28 февраля 1905 г., — видно, Вам не по вкусу пришелся — это жаль. Он интересный. А Вы ему понравились. Он, между прочим, писал мне, что Вы единственный человек, который понимает меня».[1] Думается, что возникшая тогда психологическая дистанция, закрепилась на долгие годы по определенной причине. Бывший ссыльный Ремизов довольно скептически смотрел на все общественные движения, стремясь найти свой собственный, *игровой* выход из мира так называемого «подполья».[2] Лундберг воспринимал окружающую реальность исключительно всерьез (временами даже трагически) и, постоянно перемещаясь из одного «подполья» в другое, отождествлял себя то с революционно-демократическими настроениями и религиозными исканиями, то непосредственно с революционным подпольем и с сектантством, то с толстовством, а то и с аскетическим православием. Несовпадение общественных темпераментов было настолько очевидным, что даже полтора десятилетия деловых связей, по существу, так и не могли видоизменить характер их личных отношений.

К 1910 г. Ремизов уже пользовался заслуженной популярностью у читателей, поэтому Лундберг, чей стремительный литературный дебют в 1909 г. вряд ли можно назвать ярким и нашедшим отклик у публики, в общении с новым знакомым принял на себя роль «подмастерья». В позднейшей перспективе, когда первоначальные разли-

---

[1] Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 136.

[2] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 30—35.

© Е. Р. Обатнина, 2004

lib.pushkinskijdom.ru

чия уже не будут считаться столь принципиальными, Ремизов в свойственной ему иронической манере объединит себя и Лундберга общим отношением к Льву Шестову, о котором «еще в Петербурге <...> пущен был слух, как о забулдыге — горькой пьянице. А на самом-то деле, — поднеси рюмку, хлопнет и сейчас же песни петь! — трезвейший человек, но во всех делах — оттого и молва пошла — как выпивши. <...> А настоящие люди — ума юридического — отдавая Шестову должное, как книжнику и философу, в одном корили, что водится, деликатно выражаясь, со всякой сволочью, куда первыми входили мы с Лундбергом, и все приписывалось „запойному часу" и „по пьяному делу"».[3]

Эпистолярный диалог начался с довольно редких писем как раз в то время, когда, не без помощи Л. Шестова, Лундберг очутился в Швейцарии, а чуть позже в Германии и посвятил себя религиозно-философским штудиям. Личные отношения между двумя корреспондентами выстраивались постепенно, на основе взаимной выручки и поддержки. Позже, когда Лундберг вернулся в Россию, Ремизов нередко пользовался его профессиональными услугами как постоянного автора или редактора известных журналов («Заветы», «Современник», «Ежемесячный журнал»). В свою очередь и Лундберг, часто находившийся в разъездах и путешествиях, полагался на содействие Ремизова в устройстве собственных текстов. Нередко его рукописи кочевали по редакциям, но так и оставались ненапечатанными (сегодня большая часть невостребованных редакциями, а позже зачастую утраченных статей и рассказов практически не поддается выявлению).

Тем не менее по прошествии лет Лундберг характеризовал свое положение в литературе той поры в мажорных тонах: «...я — выходец из военной среды, в пятнадцать лет порвавший все связи с нею, позор для родичей в генеральских мундирах, сплошь в течение ряда лет поголадывающий бродяга, литературный удачник, изменявший литературе ради длительных пробегов по России от Крыма до Петербурга, от Пскова до Ясной Поляны...»[4] Однако, вопреки известным амбициям, его литературная судьба складывалась далеко не гладко. Вспоминая в 1948 г. своего давнего знакомого, Ремизов оценивал его творческий потенциал весьма сдержанно: «....Лундберг писал рассказы и статьи, да неудачно и распылился, а даровитый и начитанный».[5] Сохранившиеся письма к Ремизову и другим корреспондентам (в частности, к Ан. Н. Чеботаревской, Ф. Сологубу, А. А. Измайлову, К. А. Сюннербергу и В. С. Миролюбову) красноречиво свидетельствуют о том, что прозаические и критические сочинения Лундберга с большим трудом находили свое место в повременной печати. Даже выход в свет в 1909 г. двух сборников рассказов, в отличие от громкого успеха ремизовских «Крестовых сестер», не вызвал особого интереса критики.

Вместе с тем содержание публикуемых ниже писем позволяет заметить, что чем больше Лундберг начинал связывать персональные творческие задачи с деятельностью критических отделов литературных периодических изданий, тем ощутимее в его интонации проявлялись тенденции к профессиональному самоутверждению и поучающему ригоризму. Уже в 1912 г. он счел уместным взять на себя миссию авторитетного критика и ходатайствовать за Ремизова перед одним из редакторов нового журнала «Заветы». Письмо к В. С. Миролюбову содержало следующий пассаж: «Если Вы не позвали в „Заветы" Ремизова и если Разумник[6] убедит Вас сделать это, я буду очень

---

[3] *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 13.

[4] *Лундберг Е.* Записки писателя: 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 76.

[5] На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1990. Vol. 9. P. 462.

[6] *Иванов Разумник Васильевич* (лит. псевд. Иванов-Разумник; 1878—1946) — историк общественной мысли, литературный критик; в 1912—1914 гг. заведующий литературно-художественным отделом журнала «Заветы».

lib.pushkinskijdom.ru

радоваться и за журнал, и за Ремизова. При большом числе сравнит<ельных> неудач, Ремизов — самый сейчас интересный и сложный писатель и — помня Ваши слова о „масках" в литературе — пытается говорить о самом для себя важном. Я очень верю в ту новую, жестокую работу, кот<орую> он пишет <как> „обвинительный акт России".[7] Хотя по существу эти обвинительные акты самое мерзкое российское безделье — но он художеств<енно> может это безделье превозмочь и сделать его делом».[8]

Много занимаясь переводами немецких авторов на русский язык, пробуя себя в журналистской публицистике, в эссеистике и беллетристике, Лундберг стремился более полно реализовать свою творческую потребность в анализе современных литературных явлений. Именно с этой интенцией были связаны его планы написать монографию, посвященную Ремизову. Намерения молодого литератора поддерживал Л. Шестов, который к тому же предлагал С. А. Венгерову пригласить Лундберга как возможного автора биографии писателя для одного из томов «Русской литературы XX века». В письме к Ремизову философ без колебаний утверждал: «...по мне, Л<ундбер>г мог бы и о Мережковском, и о тебе хорошо написать».[9] По-видимому, исходный замысел исследования творчества Ремизова возник в 1913 г. как контроверза вышедшей книге «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова» профессора А. В. Рыстенко. Лундберг писал в своей рецензии, что автору удалось всего лишь составить «толковый словарь к произведениям Ремизова, со всеми недостатками такого рода путеводителей». Завершая отзыв, молодой литератор заявлял: «Вся книга проникнута большой любовью к творчеству анализируемого писателя, и тем больше приходится пожалеть, что исследователь лишен критического чутья, и что задачи Ремизова ему не по плечу».[10]

Ремизов, безусловно, ценил колорит и оригинальность личности Евгения Лундберга и даже запечатлел экстравагантный образ своего молодого приятеля в рассказе «Исаич» (1915). Эта и другие новеллы, объединенные позднее в цикл «Среди мурья и неурядицы» (1917), характеризуются непринужденным введением в художественную ткань бытовых подробностей и особенностей дружеского общения с избранными знакомыми писателя: здесь встречаются реальные прозвища, которыми Ремизов наградил археолога И. А. Рязановского и критика В. Н. Княжина («На птичьих правах»); невзначай упоминается рассказ Вяч. Шишкова «Помолились» («Божий человек»); автор свободно цитирует строки из подлинного письма Иванова-Разумника («Чайничек»); в образе учителя Василия Васильевича вполне узнаваем философ В. В. Розанов («Пупочек») и т. д. Рассказ «Исаич», посвященный бытовому эпизоду, произошедшему в семье З. И. Гржебина, начинался с раздумчивого выбора главного предмета повествования: «Рассказать ли вам о страннике Евгении, ходившем по Петербургу под видом немого, и как заговорил он чудесным образом, или о Зиновии Исаевиче, добром и неизменном соседе нашем? Нет, лучше я расскажу вам про Зиновия Исаевича».[11] Будто случайно касаясь некой «чудесной» истории «о страннике Евгении», Ремизов всего лишь придавал черты мистификации реальному факту биографии Лундберга, который в то время действительно «наложил на себя зарок молчания».[12]

---

[7] Подразумевается повесть Ремизова «Пятая язва» (1912).

[8] РО ИРЛИ, ф . 185, оп. 1, № 739, л. 19—19 об.

[9] Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1992. № 4. С. 102.

[10] *Лундберг Е.* Проф. А. В. Рыстенко. Заметки о сочинениях Алексея Ремизова. Одесса. 1913 г. // Заветы. 1914. № 3. Отд. III. С. 61.

[11] *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 4. Оказион. С. 315.

[12] Об этом факте свидетельствует К. А. Сюннерберг в «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем из архива Конст. Эрберга» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 53,

lib.pushkinskijdom.ru

В заключительной части рассказа автор вновь возвращался к интригующему зачину:

«Странник Евгений, о котором я поминал уж, ходивший по Петербургу под видом немого, как раз об эту пору жил с нами.

Бывало и самый простой разговор с ним сущая мука, ходил он с блокнотом, спросишь о чем, и сейчас за карандаш, скоренько на блокноте напишет и обязательно тебе еще вопрос какой, и так без конца. И только потому, что я любил его, я без всякого сердца терпел его затею — не отвечать по-человечьи, а писать будто немой.

С постной ли пищи, либо еще отчего это бывает, весь Филиппов пост он постился, а в сочельник до звезды и ничего не ел, а как звезда показалась, грибок там какой-то откусил перед кутьей, его и сдавило, да так, хоть в дугу согнись».[13]

Судя по письмам к Ремизову, Лундберг прочел рассказ, впервые опубликованный в газете «Речь», с двойственным чувством. С одной стороны, он отметил искренность писателя: «Полноты нет! Но вместо полноты мягкость чрезвычайная — даже удивительная». С другой — ремизовский «документализм» ему явно не импонировал: «Я отнюдь не „сожалею", что Вы не „подробно" написали о „страннике Евгении" — совершенно напротив, так что и отдельный рассказ о нем — вряд ли доставит жертве рассказа большое удовольствие».[14]

В дальнейшем Ремизов, хотя и не написал «отдельный рассказ», посвященный Лундбергу, зато включил его в члены знаменитой Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, в игровом пространстве которой осуществлялась идея дружеского союза творческих индивидуальностей, построенного на независимости и самоценности каждого художественного таланта. Согласно обезьяньей грамоте П. Е. Щеголева, к январю 1917 г. Лундберг числился «кандидатом в кавалеры обезьяньего знака»,[15] а несколько лет спустя он уже был возведен в «старейшие кавалеры» Обезвелволпала. Собирая в первый год своей эмиграции книгу «Россия в письменах» для берлинского издательства «Геликон», Ремизов внес необходимые коррективы в рассказы, написанные еще в 1913—1914 гг. Описывая подарок Лундберга («Краковскую Библию» 1574 г.), он печатно зафиксировал и его новый обезьяний статус — «старейшего кавалера обезьяньего знака, странника Евгения Злодиевского от варяг».[16] По всей вероятности, мифологический образ Лундберга во многом определялся его неутомимой страстью к путешествиям. Интересно, что на протяжении многих лет свои очерки и рассказы, описывающие перемещения по России и за ее пределы, Лундберг печатал под одним и тем же названием — «Из скитаний». В книге «Кукха. Розановы письма» (1923) Ремизов воспроизводит свою дневниковую запись, относя ее к 8 декабря 1905 г.: «Приходил Е. Г. Лундберг: ходит он, как птица. Так птицей прошел весь юг России от Каспийского моря до Черного и все Балканские государства, вдоль и поперек».[17] Ко-

---

л. 73). Очевидно, что в своем рассказе Ремизов не привел куда более эпатирующие детали поведения Лундберга тех лет. Е. К. Герцык, например, запомнилось, как «хмурый юноша Лундберг, производивший над собой злые эксперименты: проникнув в лепрозорий, ел с одной посуды с прокаженными, потом в течение месяцев симулировал немоту, терпя все вытекающие отсюда неудобства и унижения» (*Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 106).

[13] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 4. Оказион. С. 323—324.

[14] См. публикуемые письма 34 и 35.

[15] См.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 14—15.

[16] *Ремизов А.* Россия в письменах / Предисл. О. Раевской-Хьюз. Нью-Йорк, 1982. Т. 1. С. 17. См. также подлинную подпись Лундберга в глаголическом списке членов Обезвелволпала, составленном Ремизовым в Берлине в 1921—1922 гг. (*Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 231).

[17] *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. Ахру. С. 57.

lib.pushkinskijdom.ru

нечно же, по хронологии объективных событий эта запись могла возникнуть только после 1909 г., когда Лундберг совершил свое знаменитое авантюрное путешествие на Балканский полуостров.

Принципиальные расхождения между Ремизовым и Лундбергом обозначились лишь в конце 1917 г., после того, как Ремизов опубликовал знаменитое «Слово о погибели Русской Земли»,[18] которое прозвучало скорбным плачем по попранным революционной толпой святыням и нравственным ценностям многовекового уклада жизни, потерявшим в одночасье свой смысл. Появившийся в Петрограде в ноябре 1917 г. после длительного отсутствия Лундберг выступил с нападками на Ремизова в левоэсеровской газете «Знамя труда»: «Выкрики уличного торговца ветошью и проповедника истины, воркотня голодной мещанки и щелканье словесного бича победительного демократа — всякая молитва, всякий привет и крик стали не те, что были вчера. В выкриках старьевщика есть что-то заячье, звериное. И то же заячье, звериное, слышится неожиданно в высокой и глубокой прозе писателя А. М. Ремизова. Проповедники истины, по голосу судя, бредят победою циркового борца. <...> хочется стыдливо отвернуться, когда они слагают сейчас, в эти трудные дни, панихидные плачи по России, эти слезницы неведомому мстителю, когда говорят о ненависти, о страхе что-нибудь забыть из современного, — бояться страхом выживших из сердца, нечутких мещанок? И кому они собираются мстить? Себе, своему народу, своему прошлому, общим заблуждениям, темным, неисповедимым глубинам стихии народной! Как бедно, как трусливо! И где найти слова для облегчения этих плакальщиков и лицемеров малого строительства».[19]

В последний раз судьба свела Ремизова и Лундберга в эмигрантском Берлине. В конце 1921 г. Лундберг, возглавлявший издательство «Скифы», поразил соотечественников уничтожением первоначально им же опубликованной брошюры Льва Шестова «Что такое большевизм».[20] Окончательно определившись в качестве «советского чиновника»,[21] он вел себя и в Берлине, и после возвращения в советскую Россию соответствующим образом: для него намного более важным, чем собственная литературная и человеческая репутация, было желание оправдать себя перед большевистской властью. На этот скандал Ремизов откликнулся анонимными ироническими заметками (авторство которых не составляло особого секрета). В одной из них на вопрос, якобы заданный неким корреспондентом Андрею Белому: «как вы думаете провести ваш эмигрантский досуг?», последовал ответ: «единственная мечта устроить евразийскую поездку по Европе, Азии, Франции, Италии, вместе с Е. Г. Лундбергом и истребить все книги, какие только есть на белом свете».[22] В другой заметке, помещенной у рубрике «Издатели», сообщалось: «В Берлине основывается кавказское книгоиздательство „Кура-Тифлис", субсидируемое женевским инженером Я. С. Шрейбером. <...> Предполагаются к изданию грузинские скаски (так! — Е. О.) А. М. Ремизова на грузинском

---

[18] Впервые текст был опубликован под названием «Слово о погибели земли русской» в литературном приложении к газете правых эсеров «Воля народа» «Россия в слове» (1917. 28 нояб., № 1. С. 2), выходившем под редакцией М. М. Пришвина. Вторая публикация состоялась в альманахе «Скифы» (Пг., 1918. Сб. 2. С. 194—200).

[19] *Лундберг Е.* Под знаком зодиака. Слово и дело // Знамя труда. 1917. 29 дек., № 106. С. 2.

[20] Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Лундберг versus И. Гессен: малоизвестные подробности несостоявшегося третейского суда // Зарубежная Россия. 1917—1939. Сборник статей. СПб., 2003. Кн. 2. С. 271—277.

[21] Ср.: «...в советских чиновниках я состою с Октября...» (*Лундберг Е.* История одной книги (Письмо в редакцию) // Новый мир. 1921. 25 дек., № 277. С. 6).

[22] Бюллетени Дома Искусств. Берлин, 1922. 17 февр., № 1—2. С. 35—36.

lib.pushkinskijdom.ru

и армянском языках. Рукопись тщательно скрывается от Е. Г. Лундберга. Ввиду его близости к этому издательству, опасаются, как бы в припадке любви и боли Е. Г. Лундберг эту рукопись не сжег».[23] Возможно, поэтому в своих позднейших мемуарах Лундберг отводит Ремизову роль мистификатора, в проделках которого «что ни год все больше тайной, терпкой, жалкой и печальной злости». Мало пригляден и нарисованный здесь портрет писателя-эмигранта: «в сладостном утомлении» он «закутывается в платок, неизменно согревающий его плечи» в то время, как «красный ротик его становится еще ярче», и «кривенький смешок бежит по зеленобледной щеке».[24]

Спустя десятилетия Ремизов выразит куда более добрые чувства в короткой характеристике своего старого знакомого: «Евгений Германович Лундберг, сын пастора, ученик Льва Шестова, искреннейший и правдивейший, писал рассказы, но почему-то их всегда возвращали. Мне его было очень жалко, неудачная доля — я всегда чувствую перед такими в чем-то виноватым. А стал известен в революцию, когда в Берлине <в> 1922 году сжег книгу Шестова, щадя учителя».[25]

Настоящая публикация состоит из двух частей. В первой части воспроизводится автобиография Е. Лундберга (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2218),[26] написанная по заказу С. А. Венгерова для второго (неосуществленного) издания «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых». В начале текста, сверху, имеется авторская помета: «Прошу сократить и уничтожить целый ряд ненужных мелочей». Обращенная к Лундбергу анкета датирована отправителем от руки 24 января 1913 г., на конверте — штемпель с датой получения «18.3.13». Вторая часть содержит письма Е. Г. Лундберга к А. М. Ремизову (1910—1918), которые публикуются по автографам: № 1—6 (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 654, оп. 1, № 141); № 7—52 (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 150). Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами. Ответные письма Ремизова к Лундбергу не сохранились.

I. АВТОБИОГРАФИЯ

Евгений Германович Лундберг родился 31 авг<уста> 1883 г. в м<естечке> Таурогене, Ковенской губ<ернии>. Отец — офицер Пограничной стражи, шведского происхождения; мать — полька. — Лютеранин по крещению; после отказа от с<вятого> Таинства вряд ли числюсь в к<акой>-ниб<удь> лютеранской общине. — Род наш шведского происхождения. В семье много священников и моряков. Были ли выдающиеся люди? По женской линии — да. Врач (придв<орный> врач саксонского короля) пр<офессор> Эрдманн был, сколько я знаю, выдающимся ученым (см<отри> *старое* изд<ание> Brokchaus'a).[1] Затем — существуют родственные связи (по женск<ой> линии) с адмиралом Крузенштерном, основат<елем> морск<ого> корпуса и (*должно быть*) первым русским кругосветным плавателем.[2] Двоюродн<ый> брат моего отца инженер-генерал Эдгар Лундберг — способный педагог немецко-(капральской) склад-

---

[23] Там же.

[24] *Лундберг Е.* Записки писателя: 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 300.

[25] *Ремизов А.* Новые материалы / Вступ. заметка и публ. А. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 226.

[26] Краткое описание документа см. также: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель: В 2 т. / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб., 2001. Т. 1: А—Л. С. 612.

lib.pushkinskijdom.ru

ки: сейчас он не то инспектор, не то директор I кадетск<ого> корпуса в П<етер>б<у>рг<е>.[3] Был профессором строительного искусства в Инженерной Академии и Пажеском Корпусе. — Образование я получил в Виленском реальном училище (от 1892—до 1900). Был недолго в Высшей Вольной Парижской Школе.[4] Затем (по недостатку средств и из-за кочевого образа жизни) долгий перерыв; с 1911 года — 1 семестр в Женевском универс<итете> и 3 семестра в Йенском. Слушаю литературу, теологию, философию и историю искусства у профессоров H. Weinel'a,[5] Lietzmann'a,[6] R. <Oeuken'a?>,[7] Bauch'a[8] и др<угих>. Влияния: в детстве отвращение родителей к военной среде; сочувствие к угнетенным полякам (мать — полька); в Вильно — тяжкие, порою слишком тяжкие, впечатления от националистически настроенных учителей (особенно резкие в С<еверо>-зап<адном> крае). В 17—18 лет первые касания <к> революционной среде. Тогда же впервые познакомился с книгами Льва Шестова — и с тех пор мне этот философ исключительно близок. В 14—16 лет повышенная религиозность, тогда же отказ от конфирмации. Несогласия с родственниками (началось и тяготение к радикально настроенным кругам) — лет с 15. Родителей, брата и сестру потерял очень рано (до 14 лет всех) — с 15—16 самостоятелен. В 18 лет впервые пошел пешком по России из Крыма в П<етер>б<у>рг. По дороге впервые узнал тюрьму. Затем ходил не раз — исходил северо-запад, юго-запад, Болгарию и Сербию. Сближения с сектантами. Позже — с революционерами. Партийным работником никогда не был. Заключен в тюрьме бывал часто — последний раз около полугода в сумме — в Киеве, в Петр<опавловской> крепости и в Д<оме> Пред<варительного> Закл<ючения>.

Стихи начал писать очень рано. Лет в 16 напечатал в виленской газете первые статьи о... культуре Китая — по... Шелгунову[9] и кое-каким (*кажется*) др<угим> источникам. Лет в 18 первые очерки — в «Крымском курьере». Лет в 19 послал «Стихотв<орения> в прозе» Н. К. Михайловскому[10] и получил от него жестокий ответ (уничтожающий), за кот<орый> очень ему благодарен: подняло энергию. В 1903 — первые рассказы в «Новом пути»[11] и рецензии о Утопии С. (так! — *Е. О.*) Мережковского,[12] о Штирнере[13] и прочее. Статья о «Senelia» Тургенева[14] и кое-какие мелочи.[15] Влияние (в обработке произв<едений>, советы, поправки З. Н. Гиппиус; многим в этом смысле ей обязан) идеи «Н<ового> пути» не оказали. В 1904 году — рассказы в «Нов<ом> пути»[16] и в «Журнале для всех».[17] Нищенствовал в П<етер>б<у>рге — поддержка В. С. Миролюбова с чудесной деликатностью и нежностью, свойственными этому редкому человеку.[18] В 1905 году написано мало — мешает необеспеченность, революция,[19] болезни, кратковременные заключения. (Забыл сказать раньше: от воинск<ой> повинности отказался «без мотивов» — был заключен на 2 недели, жребий мне вынули (не я) близкий — но освобожден в чистую... «по болезни» без всяких усилий с моей стороны — помогла верно «весна» Святополк-Мирского[20]). Рассказы печатались в «Вопросах жизни»,[21] «Русской мысли»,[22] «Ж<урнале> для всех»,[23] «Перевале»,[24] «Товарище», «Речи»,[25] «Киевских откликах» и др<угих>. №№ — и годов не помню — прибл<изительно> с 1904 года (оттисков тоже не сохранилось, к сожалению, не могу ис-

lib.pushkinskijdom.ru

полнить пун<к>та В точно[26]). Статьи: о Сологубе — «Р<усская> мысль,[27] о Гиппиус — «Р<усская> мысль»,[28] о Тургеневе — «Новый путь»,[29] о Гиппиус — «Заветы»,[30] о письмах Шопенгауэра (вернее — о нем самом) — «Заветы»;[31] о Шестове, Бердяеве — «Речь»,[32] о Врубеле — «Киевские отклики».[33] Письма из Болгарии и Сербии — в «Речи».[34] Статья о Мережковском — I-ая в «Заветах» (кажется, пойдет).[35] II-ая в «Ист<ории> литер<атуры>» под редакц<ией> С. А. Венгерова «Мир» изд<ательство>.[36] Книги рассказов I и II изданы в 1909 году у Кульженко,[37] Киев in 8°, по 6 — и 7 печатн<ых> лист<ов>. III книга — не издана за отсутств<ием> издателя. Не издан труд «Г. Гейне, его жизнь и творчество» — по той же причине.[38] Войдет как составн<ая> часть в 2-томную работу «Гете, Гейне и романтика», над кот<орой> сейчас работаю.[39] Монография о Лютере (10 печ<атных> лист<ов>) — читал часть ее в Московском религиозно-философском обществе в марте 1912 г., не издана по той же причине.[40] Перевод труда пр<офессора> Вельфлина «Renaissance und Barokko» сейчас издает «Грядущий День» (П<етер>б<у>рг).[41] I том «Die klassische Kunst»,[42] и III <том> «Die Kunst Alb<recht> Dürers»[43] этого превосходного автора тоже переведены мною — но не изданы по тем же, что и выше, причинам. Сюда же следует отнести и книгу статей критических «Окольными дорогами».[44] Переводил часть работы пр<офессора> Гримма о Микель-Анджело (изд<ательство> «Гряд<ущий> День»).[45] Пьесу Клейста (перевел для Сологуба) — «Der Zerschlagene Krug».[46] На немецкий язык перевел: часть сочинения проф<ессора> Булгакова «Философия хозяйства» — печатается в Archiv пр<офессора> Sombart'a и Werner'a (март)[47] и несколько статей Шестова. Лекции читал. В Киеве: о Мережковском,[48] о Гейне и др<угие>. В Москве: о Лютере. В Берлине: о Мережковском, о задачах критики. В Йене (по-немецки — в теолог<ическом> обществе) о Льве Толстом.[49] Много статей пропущено — не стоят упоминания. Отзывы были в разн<ых> журн<алах> и газетах. «Р<усская> мысль»,[50] «Аполлон»,[51] киевские газеты (различные) и пр<очие> — когда и №№ не помню. Биографические сведения — в словаре Граната, новое издание (Б — «биография»).[52] Редкое счастье — читал собств<енные> *некрологи* (в высшей степени лживые, хотя и лестные — основаны были на фантастич<еских> данных составителей — ибо ведь «оттуда» не приходят обычно). Повод: телеграмма консульства, введенного в заблужд<ение> слухами о том, что я убит в горах (Балканы).[53] В меня, действ<ительно>, стреляли — грабители.[54] О портретах — ничего не знаю. Псевдонимы: Л. Муринский, Е. Рощин и др<угие>.[55] Статьи и книги будут присланы глубокоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову — после их издания. Карточку прилагаю. Извиняюсь за небрежность писания — пишу больной.

Евгений Лундберг.

P. S. Забыл упомянуть не напечатанные нигде и не изданные статьи:

1. О посмертн<ых> произв<едениях> Льва Толстого.
2. О Брюсове.

lib.pushkinskijdom.ru

3. Несколько черт Лютера — отступника и реформатора.

4. Раскол в протестантизме.

Напечатано. 5. Неск<олько> не стоящих упоминания статей и рассказ<ов> в «Запросах жизни».[56]

Часть напечатано, *все* не издано. 6. Небольшая книжка «Фрагментов» (часть напечатана в Альм<анахе> «Белые ночи»).[57]

Сам их считаю лучшим из всего написанного, но печатать их не хотят нигде — обошли все русские редакции. Сейчас перевожу их на немецкий язык.

[1] Имеется в виду «Энциклопедический словарь», издававшийся Ф. А. Брокгаузом (Лейпциг) и И. А. Ефроном (С.-Петербург). С 1890 по 1907 г. под редакцией И. Е. Андреевского вышло 82 основных тома и 4 дополнительных. Следующее издание словаря («Новый энциклопедический словарь»), осуществлявшееся в 1911—1916 гг. под общей редакцией К. К. Арсеньева, было значительно сокращено (всего 29 томов). В словаре 1890—1907 гг., действительно, имеются сведения о *Эрдмане Иоганне-Фридрихе* (Erdmann; 1778—1846), докторе медицины, уроженце Виттенберга. В 1817 г. он получил кафедру терапии и клинику в Дерпте, а в 1822 г. был назначен лейб-медиком саксонского короля. Почетный член Казанского университета.

[2] *Крузенштерн Иван Федорович* (Адам Иоганн, 1770—1846) — адмирал; в 1803—1806 гг. руководил первой русской кругосветной экспедицией. В 1827 г. назначен директором Морского кадетского корпуса.

[3] *Лундберг Эдгар Юльевич* (1860—?) — в 1900-е гг. полковник Военно-инженерного полка, читал лекции в Николаевской инженерной академии по санитарно-строительному делу; в 1910-е гг. генерал-майор, инспектор классов Пажеского кадетского корпуса.

[4] Подразумевается Русская высшая школа общественных наук, которая была основана в Париже видным социологом, юристом и историком М. М. Ковалевским (совместно с Е. В. Де-Роберти) в 1901—1905 гг. В этом учебном заведении преподавали некоторые опальные русские ученые и представители русских социалистических партий. Одной из выпускниц школы была А. Н. Чеботаревская. См.: *Чеботаревская Анас.* В парижской школе // Биржевые ведомости. 1916. 25 марта, № 15462. С. 3.

[5] *Weinel Henrich* (1874—1936) — профессор теологии, в Йенском университете читал курс «Новой Завет».

[6] Вероятно, *Lietzmann Hans* (1875—1942) — историк, профессор теологического факультета Йенского университета, который преподавал историю церкви. Профессором Йенского университета был также германист Albert Lietzmann (1867—1950).

[7] *Eucken Rudolf* (1846—1926) — профессор философии Йенского университета.

[8] *Bauch Bruno* (1877—1942) — профессор философии Йенского университета.

[9] Среди многочисленных сочинений публициста Николая Васильевича Шелгунова (1824—1891), описывающих историко-экономическое развитие европейских стран, лишь одна посвящена Китаю — «Цивилизация Китая». См.: *Шелгунов Н. В.* Собр. соч. СПб., 1895. Т. 1. С. 111—166.

[10] *Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — публицист, социолог, литературный критик, общественный деятель. По-видимому, свои первые опусы Лундберг отправил на адрес редакции журнала «Русское богатство», в котором Михайловский занимал положение неофициального главного редактора и до 1903 г. вел раздел «Литература и жизнь». В архиве Михайловского сохранилось письмо начинающего литератора, отправленное из Петербурга 16 ноября <1903 г.>:

> Поощрение столь же необходимо «гениальному» писателю, сколь необходима канифоль смычку виртуоза.
>
> «Плоды просвещения» Козьмы Прутко<ва>.

М<илостивый> Г<осударь>.

Велик и благороден Ваш труд, как истолкователя и руководителя общественных взглядов и настроений. Быть может, поэтому Вам покажется слишком незначительной,

lib.pushkinskijdom.ru

не стоящей внимания и получаса труда, просьба одного маленького человека — заглянуть, просмотреть «плоды» его «творчества» и либо, с возможною резкостью, даже грубостью, разрушить все его розовые мечты, либо своим одобрением дать надежду, дать цель, дать смысл его жизни.

Мне 20 лет, я не образован, вернее, со средним образованием и тою начитанностью, что позволяет поддержать разговор в обществе, а в душе разрушает все и вся, не создав ничего взамен, вследствие постоянного шатания мысли. Сколько себя помню, люблю мир красоты и идеи, презираю труд ради хлеба насущного. Сколько себя помню — у меня изредка является повышенная деятельность воображения и просится рука к перу, перо к бумаге, и я пишу, пишу прозой, чтобы через полчаса презирать, ненавидеть себя, смеяться над собой, мучиться стыдом и горечью за свою бездарность, свое бессилие.

Беда — нет самооценки, и вот я решил обратиться к Вам. Прилагаю три-четыре крохотных вещицы (большими посовестился мучить Вас), думаю, если есть во мне искра, Вы с Вашей чуткостью увидите ее в одной строке. Мне смешно: у меня искра! А в то же время шевелится: «а вдруг?»

Буду ждать, с нетерпением и мукой буду ждать ответа. И надеюсь, Вы ответите. Ведь стоит же минуты вниманья жизнь, всякая судьба, чья бы она ни была? Жду, жду, жду.

Мой адрес: С<анкт->П<етер>б<ург>. Лесное. II-ой Муринский просп., д. 49, кв. 17.

Глубоко уважающий Вас,
Евгений Лундберг
(РО ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 400, л. 1—2).

[11] См. цикл «Степные встречи»: «Я шел», «Обещание», «Человек с шарманкой», «Песня» (№ 7. С. 131—144); цикл «В степи»: «Земля», «Чабаны» (№ 10. С. 37—47); рассказ «Под липами (Из истории одного пастората)» (№ 12. С. 1—26).

[12] Имеется в иду рецензия на книгу Константина Мережковского «Рай земной или Сон в зимнюю ночь: Сказка-утопия XVII века» (Берлин, 1903), которая была опубликована под криптонимом «Е. Л.» (Новый путь. 1903. № 4. С. 177—179).

[13] Рецензия на книгу В. Саводника «Ницшеанец 40-х годов: М. Штирнер и его философия эгоизма» (М., 1902) была опубликована под криптонимом «Е. Л.» (Новый путь. 1903. № 5. С. 172—178).

[14] См.: *Е. Л.* Тургеневские «Senelia» // Новый путь. 1903. № 10. С. 184—189.

[15] Подробнее см.: Журналы «Новый путь» и «Вопросы жизни». 1903—1905 гг.: Указатель содержания. СПб., 1996.

[16] См.: «Грех неделанья» (№ 2. С. 176—182); «Уже не люди», «Во льдах», «Лес виноват» (№ 5. С. 41—52); «Мои скитания» (№ 8. С. 184—213; № 9. С. 256—267).

[17] См.: «Однажды вечером» (№ 8. С. 456—459).

[18] Сотрудничество Лундберга с издателем-редактором «Журнала для всех» (1899—1906) *Виктором Сергеевичем Миролюбовым* (1860—1939) продолжалось и позднее в редактируемых Миролюбовым периодических изданиях «Современник» (1911—1915), «Заветы» (1912—1913), «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (1914—1917). Письма Лундберга к В. С. Миролюбову см.: РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739.

[19] В 1905 г. Лундберг сблизился с революционно-анархическим обществом «Христианское Братство Борьбы» и участвовал в распространении его политических воззваний. См.: *Свентицкий В. П.* Предсмертные письма / Публ. Р. Крепса // Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Сб. 1. С. 294—295.

[20] *Святополк-Мирский Петр Данилович*, князь (1857—1914) — в начале 1900-х губернатор Пензы, 26 августа 1904 г. был назначен министром внутренних дел. 16 сентября при вступлении в должность он выступил с речью, где провозгласил курс на установление «взаимного доверия между правительством и сословными учреждениями». Именно этот поворот правительства к политическим свободам, произошедший ранней осенью 1904 г., получил устойчивое название «весна Святополк-Мирского». Для многих политических заключенных и ссыльных эти события в действительности стали неожиданной «весной» ожидаемых перемен. В частности, Ремизов, освободившийся из политической ссылки еще весной 1903 г., не имел права проживать в Москве и Петербурге в течение пяти последующих лет, и только благодаря Святополк-

lib.pushkinskijdom.ru

Мирскому (с которым ему довелось столкнуться еще в Пензе) этот запрет был снят в начале 1905 г. Ср. с высказыванием о нем в автобиографическом романе Ремизова «Иверень»: «Губернатор П. Д. Святополк-Мирский, будущая „весна" (1905 г.), отец нашего английского историка литературы Дмитрия Петровича...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000. С. 326). См. также: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1987. Vol. 6. P. 276.

[21] См.: «Идиот» (№ 2. С. 52—60); «Около смерти» (№ 6. С. 69—81).

[22] Ко времени написания автобиографии (1913) в журнале «Русская мысль» был опубикован один рассказ Лундберга «Старухи» (1909. № 6. С. 46—53).

[23] См. рассказ «Однажды вечером» (1904. № 8. С. 456—459), а также цикл «Из скитаний»: «Деревня», «В волости» (1905. № 8. С. 473—476); «Смутное», «Полесье» (№ 9. С. 534—538).

[24] В 1907 г. в журнале «Перевал» было опубликовано три рассказа Лундберга: «Царевич» (№ 3. С. 36); «Люди и лошади» (№ 6. С. 21—23); «Гусеница» (№ 10. С. 31—37).

[25] Ко времени написания автобиографии в газете «Речь» было опубликовано три рассказа Лундберга: «Омут» (1911. 29 июня, № 175. С. 2; 30 июня, № 176. С. 2); «Ночь» (1911. 18 окт., № 286. С. 2); «Коза» (1912. 22 янв., № 21. С. 3).

[26] Имеется в виду один из подпунктов анкеты С. А. Венгерова, в котором опрашиваемого просили сообщить подробные сведения о библиографии его журнальных или газетных публикаций с указанием года, номера и названия периодического издания, где эти публикации появились. См.: РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2218, л. 5.

[27] См.: Лирика Федора Сологуба // Русская мысль. 1912. № 4. С. 57—82.

[28] См.: Поэзия З. Н. Гиппиус // Русская мысль. 1912. № 12. С. 55—66.

[29] См. прим. 14.

[30] См.: Проза и поэзия З. Гиппиус // Заветы. 1913. № 1. Январь, Отд. II. С. 68—79.

[31] См.: Шопенгауэр и его письма // Заветы. 1912. № 8. Ноябрь, Отд. II. С. 187—191.

[32] См.: Заметки читателя. О Льве Шестове // Речь. 1911. 31 июля, № 207. С. 2—3; Заметки читателя. О Николае Бердяеве // Речь. 1911. 1 дек., № 330. С. 2.

[33] Подразумевается статья «М. А. Врубель», написанная на смерть художника. См.: Киевские вести. 1910. 3 апр., № 92. С. 2. В 1903—1907 гг. газета называлась «Киевские отклики».

[34] Летом 1909 г., путешествуя по югу России, Болгарии и Сербии, Лундберг присылал в газету «Речь» очерки, объединенные общим названием «Из скитаний»: «1. Легенды» (1 июня, № 147. С. 2); «2. Одесса. 3. По Дунаю. 4. От Галаца до Силистории. 5. Русские в Болгарии» (21 июня, № 167. С. 2); «6. От Оджи-Кюй до Рущука. 7. Menschen und Seidenschoften» (16 июля, № 192. С. 2); «Рущук. Болгарская школа — и немецкая школа. Зной» (2 авг., № 269. С. 2; очерк датирован: «13 июля. Горный Студень»).

[35] Оговорка «кажется пойдет», по-видимому, связана с конфликтом, который произошел между Лундбергом и Ивановым-Разумником, возглавлявшим в «Заветах» отдел «Литература и общественность». О ссоре упоминается в письме Шестова к Ремизову от 31 января 1913 г. (Русская литература. 1992. № 4. С. 109). Статья так и не увидела свет, несмотря на то, что Лундберг продолжал печататься в «Заветах» и в 1913 г.

[36] Первоначально С. А. Венгеров заказал очерк о Мережковском у Л. Шестова, который в свою очередь предложил кандидатуру Лундберга (См.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. 1. С. 115). Тем не менее статья Лундберга так и не была напечатана, а автором очерка о Мережковском стал А. Долинин (См.: Русская литература XX века. 1890—1910. М., 1914. Т. 1. Кн. 3/4. С. 295—356). В архиве Венгерова сохранился автограф статьи Лундберга «Д. С. Мережковский» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 140). Тексты не увидевших свет статей о Д. С. Мережковском, в том числе и статья «Laterna magica (К идеям Мережковского о христианстве)», не принятая редакцией журнала «Русская мысль» в конце 1913 г. (см. РО ИРЛИ, ф. 264, № 41, л. 200 — «Книга для записей поступивших в редакцию рукописей»; регистрационный № 397 от 30 ноября 1913 г.), легли в основу исследования Лундберга «Мережковский и его новое христианство» (СПб., 1914).

[37] Имеется в виду типография С. В. Кульженко, в которой в 1909 г. вышли в свет книги Лундберга «Рассказы» и «Мои скитания».

lib.pushkinskijdom.ru

[38] В словарной статье о Лундберге историко-критическое исследование «Генрих Гейне и его время» (1911) указывается как опубликованное, однако очевидно, что данные сведения были преждевременно сообщены самим автором, поскольку в конечном итоге данная публикация так и не состоялась. См.: Лундберг Евгений Германович // Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат». СПб., [1912]. Т. 11. С. 658.

[39] Очевидно, речь идет о работе, первоначально написанной в качестве докторской диссертация в Йенском университете. Ср. с письмом Лундберга к В. С. Миролюбову, относящемся к 1911 г.: «Сейчас много и не без радости работаю над своей диссертацией докторской и открываю у Гете и романтиков такие уголки, за которые верно достанется от немцев на орехи впоследствии» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 20).

[40] В указанном в прим. 39 недатированном письме к В. С. Миролюбову Лундберг упоминает также о начальном этапе своей работы: «Много работаю и над изумительным Лютером — впоследствии будет книга, сейчас статью первую обещал напечатать Струве. Лютер — предтеча Нитче и Толстого, хитрый саксонский мужик и великий мистик — вечно помнивший о земле и реализме земного бытия» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 20). В «Русской мысли» статья о Лютере не публиковалась. О печальной судьбе этой и других рукописей, оставленных во время Гражданской войны на Кавказе, Лундберг упомянул в своих мемуарах: «Месяц тому назад (июнь 1918 г. — *Е. О.*) я узнал, что рукописи привезет Л. Прошли недели — Л. не было. Сегодня известили — возвратился в Криницу, в Ростове был обстрелян его поезд, погибли вещи, погиб и мой чемодан с бумагами. Почти шесть лет труда. Кроме законченного, йенские и берлинские наброски о Лютере, отдельные главы о Гейне, рукописный словарь к Рабле, и груды заметок, которыми писатель дорожит иногда больше, чем законченными книгами. Я прочел письмо и ждал. Ничего не шевельнулось в груди, сердце билось ровно. Жизнь так полна и тревожна, что в ней нет места сожалениям» (*Лундберг Е.* Записки писателя: 1917—1920. Т. 1. С. 152).

[41] См.: *Вёльфлин Г.* Ренессанс и барокко. Исследование о сущности и происхождении стиля барокко в Италии / Под ред. А. Л. Волынского. СПб.: Грядущий День, 1913. *Вёльфлин Генрих* (1864—1945) — швейцарский искусствовед.

[42] Труд остался неопубликованным. Русский перевод исследования «Die klassische Kunst» («Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения» с предисловием Ф. Ф. Зелинского, в переводе А. А. Константиновой и В. М. Невежиной) был издан в Петербурге в 1912 г.

[43] Перевод не был опубликован.

[44] Проект не был реализован.

[45] Имеется в виду основное произведение берлинского профессора истории искусств, писателя и поэта *Германа Гримма* (1828—1901) «Das Leben Michelangelos» (Berlin; Stutgart, 1900. Bd 1—2). Перевод первого тома этого сочинения см.: *Гримм Г.* Микельанджело Буонаротти / Пер. В. Г. Малахиевой-Мирович; Ред. А. Л. Волынский. СПб.: Грядущий День, 1913—1914. Т. 1. Вып. 1—5.

[46] Подразумевается комедия Генриха фон Клейста (1777—1811), более известная под названием «Zerbrochener Krug» («Разбитый кувшин»; 1808), русский перевод которой Лундберг готовил по просьбе А. Н. Чеботаревской для предполагаемого в издательстве К. Ф. Некрасова выпуска собрания сочинений Г. фон Клейста. В 1914 г. переговоры с издательством вел Ф. К. Сологуб. Свой перевод Лундберг выслал Чеботаревской из Берлина в декабре 1912 г. (См.: *Сологуб Ф.* Письма к Анастасии Чеботаревской / Публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 322—323). Готовящееся издание в 1914 г. не осуществилось. Собрание сочинений Г. фон Клейста с переводами Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской увидело свет только в 1923 г., но уже без участия Лундберга.

[47] Речь идет об издании «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik in Verbindung mit Werner Sombart und Max Weber. Herausgegeben von Edgar Jaffé» (Tübingen, 1913. Bd 36), в котором была напечатана (без указания переводчика) статья С. Н. Булгакова «Die naturphilosophischen Grundlagen der Wirtschaftstheorie» с авторским примечанием на немецком языке, указывающим, что данная статья является «экстрактом» из второй и третьей главы русской работы философа «Философия хозяйства» (S. 359—393).

lib.pushkinskijdom.ru

[48] Ср.: «В Киеве Е. Г. появлялся прошлой зимой (1908 г. — *Е. О.*) в качестве лектора с рефератом о Мережковском, с которым покойный находился в оживленной переписке, хотя и был его противником» (Трагическая кончина Е. Г. Лундберга // Киевская мысль. 1909. 31 июля, № 209. С. 3). См. прим. 54.

[49] Ср.: «...будучи студентом Иенского университета, мне пришлось прочитать в факультетской аудитории доклад о Льве Толстом. Темою доклада я взял Толстого — общественного реформатора, а не художника. Раздраженный уравновешенной, склонной к отвлеченностям, немецкой аудиторией, я выдвинул на первый план не спасительные рецепты толстовского ученья, а его саркастическую критику современного общества» (*Лундберг Е.* Записки писателя: 1920—1924. Т. 2. С. 55).

[50] Подразумевается рецензия В. Малахиевой-Мирович «Е. Лундберг. Рассказы. Киев, 1909. — Е. Лундберг. Мои скитания. Киев, 1909» (Русская мысль. 1909. № 11. Отд. III. С. 260—262).

[51] В. Кривич в обзоре «Заметки о русской беллетристике», анализируя настроения, бытовавшие в современной литературе, в целом критически оценил рассказы Лундберга: «Этот — любит жизнь. <...> в „Моих скитаниях" есть немало милых и поэтических страниц. Но ведь все-таки это записная книжка, и только записная книжка, и зарисовывалось в ней только то, что мог уместить дорожный карандаш, а когда Лундберг с этой же книжечкой и этим же карандашом подошел к рассказам, то оказалось, что этого мало, ему или нечего сказать, или хочется сказать больше, чем он может. Одни „Старухи" останавливают внимание в книге его рассказов» (Аполлон. 1909. № 2. Ноябрь. С. 14).

[52] Имеется в виду биографическая статья в одиннадцатом томе Энциклопедического словаря братьев А. и И. Гранат.

[53] Ср.: «В Киеве получено известие о смерти, при крайне загадочной обстановке, молодого беллетриста Евгения Германовича Лундберга. Судя по сообщению, он убит близ Рущука. Трудно, по-видимому, допустить в этом убийстве корыстные мотивы. По сведениям, которые нам удалось собрать от лиц, близко знавших покойного, денег при себе не имел, во всяком случае в такой сумме, которая могла бы соблазнить разбойников. Более вероятным является предположение, что покойный пал жертвою какого-нибудь рокового столкновения, тем более, что в одном из последних писем, посланных при переходе из Сербии в Черногорию, он пишет, что его волнуют серьезные опасения за свою жизнь. — „Боюсь, пишет он, как бы в Черногории меня не убили". Очевидно, он имел какие-то основания опасаться. К сожалению, опасения сбылись. Покойный происходил из старой шведской фамилии Лундбергов. Отец его был пастором в одном из прибалтийских городов. По окончании реального училища, он не пошел по обычной дороге: он стал последователем Руссо. Его глубоко волновали религиозные вопросы, и дебаты на темы о богоборчестве и богостроительстве в одно время, задолго до превращения их в модные, боевые словечки, составляли его любимейшие беседы. В его натуре были задатки типичного русского богоносца, вечно гонимого какими-то смутными порывами, вечно странствующего от алтаря к алтарю, с места на место — из одного конца России в другой. Одетый в косоворотку, с небольшой дубинкой в руках, он исколесил пешком почти весь юг России. Последние несколько лет Е. Г. Лундберг провел под Киевом, за Зверинцем, и его образ жизни служил предметом удивления не только для окрестных жителей, но и для полиции, которая однажды, в зимнюю ночь, произвела обыск в его обиталище» (Трагическая кончина Е. Г. Лундберга // Киевская мысль. 1909. 31 июля, № 209. С. 3).

[54] Сведения о гибели Лундберга появились в целом ряде киевских газет, в связи с чем непосредственный «виновник» события был вынужден направить в газету «Киевская мысль» следующее «Письмо в редакцию»: «М. г., г. редактор! Из хроники „Киевских вестей" и некролога „Киевской мысли" я узнал о своей трагической кончине. Спешу рассказать вам, как возникла ошибочная уверенность в моей смерти. Уходя из Рущука, я сообщил русскому консульству свой маршрут, по пути в Сербию, в Белград. Кроме того, обещал писать в Сербию одному из видных болгарских общественных деятелей, доктору Б. Вблизи Плевны в меня стреляли — неудачно, но тем не менее я известил доктора Б. и консульство. Затем, увлекшись Балканами и Сербской Шумадией — не давал им с месяц вестей о себе. Прихожу в Софию, являюсь в русское посольство. Встречают с распростертыми объятиями. — Вы живы? — Жив. — А мы здесь уже подняли тревогу... — В чем дело? Оказалось, долгое отсутствие вестей взволновало Доктора Б. и консульство. В то же время на Балканах нашли труп человека, изъеден-

lib.pushkinskijdom.ru

ный зверями. — Это Лундберг — решили в консульстве. Было разослано с полсотни телеграмм болгарским властям на моем пути. И, несмотря на то, что в каждом городе у меня были знакомые среди местной интеллигенции — и что я беседовал с крестьянами, власти не нашли моих следов на протяжении нескольких сот километров. Еще раз послали телеграммы. Ответ — тот же. Твердо решили, что я погиб, передали переписку в русское посольство, предполагая потребовать судебного следствия. Секретарь рущукского консульства дал знать моим киевским друзьям, от них услыхали вы, и... напечатали некролог. Прошу газеты, перепечатавшие известие о моей смерти, поместить и это письмо „с того света“» (Киевская мысль. 1909. 3 авг., № 212. С. 3; письмо датировано 31 июля). «Речь» также поместила короткое опровержение: «Беллетрист Е. Лундберг, слухи о трагической кончине которого оказались несколько преувеличенными, находятся в настоящее время в России и готовит к печати путевые очерки по Балканам» (1909. 17 авг., № 224. С. 3). См. также упоминание об этом приключении в воспоминаниях Лундберга: «Однажды на Балканах в меня стреляли в упор. Стало весело от свиста картечины, весело было схватиться за ружье, и велико было огорчение, когда противник скрылся» (*Лундберг Е.* Записки писателя. 1917—1920. Т. 1. С. 22).

[55] Кроме того, согласно «Словарю псевдонимов» И. Ф. Масанова, Лундберг использовал следующие псевдонимы: Е. Л. («Новый путь»), Евг. Л. («Современник»), В. Берсенев («Утро России»), Берсенев («Русские ведомости»), Е. Л-рг («Современник»).

[56] Подразумевается рассказ «Счастье» (1912. № 4. С. 247—252).

[57] Речь идет о лирических эссе, объединенных общим названием «Ночные». См.: Белые ночи. Петербургский альманах. СПб., 1907. С. 165—171.

II. ПИСЬМА К А. М. РЕМИЗОВУ

1

Конец ноября 1910 г. Коппе[1]

Дорогой мой А<лексей> М<ихайлович>, не писал Вам долго,[2] не потому, что вестей от Вас не было, а во 1-х, были Вы на каком-то острове, Бог знает где,[3] во 2, гремели так в мире,[4] что подойти боязно было, в 3, похварывал, в 4, в смятении всяческом жил и т<ак> д<алее>. Прочел сейчас Ваше письмо ко Льву Ис<ааковичу>.[5] Да, Толстого нет.[6] И говорить о нем — нельзя. От всех речей, манифестаций — всего у меня злоба такая (отчего?), что в письмах Варв<ар>у Григ<орьевн>у[7] и др<угих> близких, верно, обидел бранью — и в такой неподходящий час. Не могу вынести, что все на своем месте. Знаю, что хорошо, что — не явно, а тайно все в мире лучшее, а здесь — нетерпение, не могу. А будни идут своим чередом — шли и когда умирал старец. Мы плакали — а ужинали. Говорили: призыв, касание тайн — и затыкали уши верой в веру. Говорили: о красоте ухода, о величии его смерти. Да, красота, величие, какого не было, выше Сократа — но — *что было в нем!*[8] И к<а>к можно о «красоте»? Так извне! — Ну, будет... —

О другом лучше.

Я за границей.[9] В Россию нельзя — тоскую очень. Демьяныча[10] — в Кемь на 3 года ни за что. Я хвораю немного, и много волнуюсь: во 1-х, от *заграницы* ясно понял, что мне жить не в книгах, не в универс<итете>, не в Европе — в русскому скиту. И очень мучаюсь тем, что не в лесу. Каждое утро (буквально) хочу уехать — каждый день остаюсь. Тут и со Льв<ом> Ис<ааковичем> борьба — и чувство: на острие. Или в Европу — т<а>к за труд и за литературу.

lib.pushkinskijdom.ru

Или — в лес — там родина моя. Но вспомню Грецию, старух — к «Европе» тоже не тянет — к мировому. Иногда решаюсь — уеду сейчас, уйду, замолчу. И колебаюсь. Знаю, никто тут помочь не может и посоветовать. Со Льв<ом> Ис<ааковичем> об этом и говорить нельзя — он сердится, все «вправляет» меня в жизнь. Вот час, когда непоправимо одинок — и т<а>к страшно решать, «действия» предпринимать — на всю жизнь. От этого и от тюрьмы[11] (я до сих пор весь в ней) и от заграницы хожу полусумасшедший (буквально), а сны — хуже Вашей «Бедовой Доли».[12]

Работаю. Замыслы прекр<асными> кажутся — а литературы, выполнения не могу вынести.

Если бы моя воля, поехал бы в Кемь, помочь Демьянычу. Ему трудно. И мать его умерла... Там Белое море. — Но боязно в Россию: боюсь зимой бессмыслицы, она возможна — предупреждали.

Льва Ис<ааковича> вижу каждый день и все больше люблю его. Он уходит сейчас опять далеко — ввысь или вперед, или в землю врывается — уж не знаю. Но иногда т<а>к далек от всего и — прекрасен. Чувствую, редкие т<а>к далеко заходят.

Ну, Ал<ексей> Мих<айлович>, можно о «Сестрах»[13] писать? Конечно, это замечат<ельная> вещь, и я рад и ей, и Вашему устроению литерат<урному>, и Вашей «славе». Но чего-то и печально: точно было лучше, когда Вы мучились без спичек и электричества, когда ни Разумник,[14] ни Чуковский не гремели о Вас. Чего в этом жалко — не знаю. Смутно. Знаю, что Вы все тот же, но видно для таких Ваших «друзей», к<а>к я — безызвестность Ваша чем-то мила.

А «Сестры» мне понравились, что все приподнято над землею — виси в воздухе — справляйся! Нравится повторение: «одному нужно убить, другому и т<ак> д<алее>»[15] — повторение — ибо эти *уверенности* не всегда с человеком, а уходят и приходят вновь, т<а>к, к<а>к у Вас показано. Хотя последние страницы не нравятся, слишком «сделаны» — но крепко и хорошо показано, что Маракулина выбрасывает из окна — наплыв радости, жизнерадост<ности> — его *первоначальной*. Это очень значительно. Генеральша — невыносимо груба (не сердитесь?) и все портит, не хороша и Верочка — та безумная. И что-то в «Пруде»,[16] столь мало совершенном, ближе сердцу было, чем это почти совершенное произведение. Здесь перегружено бытом, деталями (конечно, они мастерские), но они портят рисунок (в «Пруде» к<а>к раз рисунок рвался) — *замедляют*. Досада при чтении, задыхаешься (но не «по-хорошему задыхаешься») от них. Кое-кто из моих друзей, живущих заграницей сейчас, знающих, что я Вас люблю и знаю, прислали мне отзывы — все радостные и настоящие. Ну, будет об этом. М<ожет> б<ыть>, и не следовало писать. Пора: спешить надо в Женеву — с Верой Фигнер[17] знакомиться и слушать ее доклад.

Вышлю Вам свои новые работы. Особенно — через месяц — драму «Четвертый Ключ»[18] (тема Пушкина — «в степи мирской три ключа»[19]). Всего лучшего. Скоро ли увидимся. Боже, какая тоска по России — и обида, к<а>к раз в эту минуту не быть в России. Сер<афиме> Павл<овне>[20] сердечн<ый> привет. Адр<ес> мой: Coppet, poste restorte, мне.

Ваш Евг. Лундберг.

lib.pushkinskijdom.ru

Мне Сер<афима> Павл<овна> собирается написать?

[1] Письмо датируется по содержанию.

[2] Предшествующие письма не сохранились.

[3] Ср.: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть „Крестовые сестры", которая пойдет в ближайшем альманахе „Шиповника"» (Утро России. 1910. 5 сент., № 242. С. 4). На острове Вандрок Ремизовы находились с 30 июля по 20 августа.

[4] Публикация повести Ремизова «Крестовые сестры» в тринадцатом альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1910. С. 159—297) вызвала целый ряд восторженных отзывов. Первым откликнулся Иванов-Разумник рецензией «Бурков двор (О новой повести Алексея Ремизова: „Крестовые сестры"» (Русские ведомости. 1910. 17 сент., № 213. С. 2—3). В следующем отклике, вышедшем под заголовком «„Крестовые сестры". Статья Иванова-Разумника», критик писал, что новое произведение А. Ремизова должно быть признано «одним из самых выдающихся произведений последнего времени» (Киевские вести. 1910. 21 сент., № 253. С. 2). Вскоре Иванов-Разумник посвятил целую статью анализу ремизовского творчества. См.: Между «Святой Русью» и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова) // Речь. 1910. 11 окт., № 279. С. 2—3. Другие положительные рецензии, последовавшие непосредственно за публикацией повести, см. также: *Чуковский К.* Для чего мы живем («Крестовые сестры», повесть Алексея Ремизова, Альманах «Шиповника» кн. XIII) // Речь. 1910. 26 сент., № 264. С. 3; *Кранихфельд Вл.* Литературные отклики. В подполье // Современный мир. 1910. № 11. С. 97; *Бурнакин А.* Новая специальность // Новое время. 1910. 29 окт., № 12440. С. 4.

[5] *Шестов Лев Исаакович* (наст. фам. Шварцман; 1866—1938) — философ, близкий друг Ремизова. Лундберг, познакомившийся с Шестовым в Киеве в 1905 г., испытывал к нему «чувство „ученика" в старинном смысле слова» (*Лундберг Е.* Записки писателя: 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 75). В свою очередь, Шестов относился к молодому литератору с искренней заботой и вниманием. В своем эпистолярном общении Ремизов и Шестов часто касались дел Лундберга. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 2. С. 133—169; № 3. С. 157—197; № 4. С. 92—133 (далее: Русская литература). Упоминаемое письмо Ремизова не сохранилось. См. также: *Данилевский А. А.* А. М. Ремизов и Лев Шестов (Статья первая) // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1990. Вып. 883. С. 139—156.

[6] Л. Н. Толстой скончался 20 ноября 1910 г. Позже Лундберг вспоминал общение с Шестовым в Швейцарии в те вечера, когда все «ждали телеграммы о Льве Толстом, покинувшем ночью дом свой. „Так и я когда-нибудь уйду", — сказал Шестов, постукивая палкой по асфальту Лозанского шоссе» (*Лундберг Е.* Записки писателя. Т. 2. С. 76).

[7] Писательница, поэтесса, литературный критик *Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович* (1869—?) в конце 1900-х заведовала беллетристическим отделом журнала «Русская мысль» и входила в ближайшее дружеское окружение Л. Шестова.

[8] Здесь и далее подчеркнутые в тексте писем слова выделяются курсивом.

[9] Лундберг приехал в Швейцарию, в Коппе, по приглашению Шестова 10 июля 1910 г. О его прибытии Шестов сообщал в письме к Ремизову от 11 июля 1910 г.: «Вчера сюда Евгений Германович приехал. Побывал и в Турции, и в Греции, и в Италии, теперь здесь посидит основательно. Под<ъ>е<с>тся, подлечится. <...> Ему газеты поручили писать, так что кой-какие доходишки будут» (Русская литература. 1992. № 3. С. 197).

[10] Лицо неуставленное.

[11] Шестов упоминает об аресте Лундберга в письме к Ремизову из Киева от 2 ноября 1909 г., а также в следующем письме от 4 декабря: «...Ев<гения> Гер<мановича> с месяц тому назад арестовали. Ни за что ни про что: политикой он не занимался. Но, представь — не выпускают. Хуже того: отвезли на днях в П<етербург>» (Русская

lib.pushkinskijdom.ru

литература. 1992. № 3. С. 192—193). Ср. с воспоминаниями Лундберга: «Девятьсот девятый год. Петропавловская крепость. Он <Шестов> подымает на ноги всех кого можно, чтобы извлечь меня — и извлекает. Ясно вперед, что меня засадят еще раз. Он вызывает меня в Швейцарию» (*Лундберг Е.* Записки писателя. Т. 2. С. 76). См. также тюремные записки Лундберга, опубликованные под названием «Монастырь» в газете «Русские ведомости» (1911. 6 янв., № 4. С. 4; 9 апр., № 81. С. 3; 15 апр., № 85. С. 4).

[12] Речь идет о цикле миниатюр-сновидений «Бедовая доля. Ночные приключения», который впервые увидел свет в майской книге журнала «Русская мысль» за 1909 г. Вскоре цикл, пополненный новыми текстами и разделенный на две части, с посвящением Л. Шестову, был включен Ремизовым в состав «Рассказов» (СПб., 1910), а еще год спустя самая полная редакция «Бедовой доли» была представлена в третьем томе собрания сочинений писателя (СПб.: Шиповник, [1911]).

[13] Подразумевается повесть «Крестовые сестры».

[14] Р. В. Иванов-Разумник. См. о нем вступ. статью, прим. 6.

[15] Ср.: «Одному надо *предать*, чтобы через предательство свое душу свою раскрыть и уж быть на свете самим собою, другому надо *убить*, чтобы через убийство свое душу свою раскрыть и уж, по крайней мере, умереть самим собою...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4. Плачужная канава. С. 109. См. также: С. 145, 192).

[16] Роман «Пруд» был впервые напечатан с редакционными сокращениями в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 4/5—11); второе (книжное) издание вышло в ноябре 1907 г.

[17] *Фигнер Вера Николаевна* (1852—1942) — активный член партии «Народная воля», основатель фонда помощи политкаторжанам в Париже (1910) и других многочисленных общественных комитетов. В ноябре 1910 г. она поселилась в Женеве у народовольца А. Н. Баха. В своих воспоминаниях Фигнер, упоминая несколько прошедших в Женеве митингов, а также доклад о тюрьмах Европейской и Азиатской России, относила эти события к октябрю 1911 г. См.: *Фигнер В.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1929. Т. 3. С. 404—405.

[18] Пьеса осталась неопубликованной.

[19] Подразумевается стихотворение А. С. Пушкина «В степи мирской печальной и безбрежной...» (1827).

[20] *Ремизова-Довгелло Серафима Павловна* (1876—1943) — жена А. М. Ремизова.

2

Вторая половина июня 1911 г. Женева[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Если бы Вы знали, сколько удовольствия доставляют Ваши маленькие записочки, Вы бы чаще их присылали. Рад за Вас и особенно за Серафиму Павловну, что узнали и полюбили Париж.[2] Он хороший и вправду легкий. Мне там хорошо жилось, буйно и весело.

А Швейцария... Приехал сюда, чтобы жить поближе ко Льву Ис<ааковичу>. Проболел почти всю зиму — его редко видел. А Швейцария идиотское гнездо (капкан), населенное швейцарскою, иностранною — в частности, русскою св... (так! — *Е. О.*). Я — к<а>к на необит<аемом> острове — без очарования необитаемого острова. Как собака, сходящая с ума оттого, что нет прохожих. Кружусь и грызу собственный хвост. Продал, продал себя немцам за покой — и более пустой, подлой и тяжелой зимы за все 28 лет жизни не припомню. К концу же весною ледяные ветры, сменявшие жаркую погоду, наградили меня плевритом — перешедшим в «начало» туберкулезного процесса — вот уже $1^1/_2$ месяца лежу большею частью в жару, жду русского золота, чтобы уехать в Италию или Грецию за-

lib.pushkinskijdom.ru

лизываться. Не думайте, что упадок духа или печаль от болезни — напротив: дрожит все в груди от натуги <жизненной — *зчркн.*>, и жадности — когда не оставляют физич<еские> силы — впр<очем>, это уж отличительная черта легочных заболеваний.

Тоскую без литературы, без музыки, без русских людей, без доброго женского общества. Без Варв<ары> Григ<орьевны>, Форш[3] — без Ремизовых — без молодых моих друзей, и если бы Вы знали, как тоскую. Да, да, продал себя немцам — и за что?

Скучно Вам от письма — не сердитесь. Спасибо, что поминаете. Пишите. Вот сейчас пришлите мне вид какой-<нибудь> — картинку — в красках. Хорошо, Серафима Павловна? Не сердитесь — не пишу Вам отдельно, зараз Вам и Ал<ексею> Михайл<овичу>.

Одно спасало — книги. Полюбил древнегерм<анскую> литературу и греческих трагиков. Далеко же современникам до них. Миф, миф, говорят — а там миф лишь великий фон для человека. И — после бессильной, такой несвободной, такой не сыновней книги Бердяева о «Свободе»[4] — так отрадно обратиться к Тристану[5] или Одину,[6] к рыцарям, исландским принцессам или вечно изменяющимся богам.

Вот что, Алексей Михайл<ович>. Отчего бы на обр<атном> пути не наведать Вам нас, «швейцарцев». Я живу в «собств<енной> квартире» — комната (не злодиевская[7]), кровати (настоящие), без «шкурок»[8]) и обед (в 3 блюда) к Вашим услугам. Ныть не буду — хоть и поводить Вас не придется по окрестностям. Льва Ис<аакович>а> увидите (до него 1/2 часа пути). А рад буду очень — обнять не обниму, чтоб не заразить — но что-ниб<удь> необыкновенное выкину. Приезжайте.[9] Это был бы большой, хороший подарок. Горы издали увидите. Дорога очень хороша. От Парижа сюда прямой поезд 8 час<ов> пути. А отсюда и на Берлин, и в Италию, и всюду прямые пути. Не написали, зачем и надолго ли в Париж, откуда куда?[10]

Пишите. Еще раз — приезжайте.

Всего Вам лучшего.

Ваш Евг. Лунд<берг>.

Адрес: Genève, rue de Carouge, д<ом> 3.

[1] Письмо датируется по содержанию.

[2] Впервые Ремизовы посетили Францию в 1911 г.; в Париже и Версале они находились с 22 апреля по 4 июля. См. итинерарий Ремизова 1905—1912 гг. (РНБ, ф. 634, оп. 1, № 3, л. 15).

[3] *Форш Ольга Дмитриевна* (1873—1961) — писательница. В архиве О. Форш сохранились письма Лундберга 1944—1961 гг. (РО ИРЛИ, ф. 732, № 328).

[4] Книга Н. А. Бердяева «Философия свободы» вышла в свет в московском издательстве «Путь» в феврале 1911 г. См. также статью Лундберга «Заметки писателя. О Николае Бердяеве» (Речь. 1911. 1 дек., № 330. С. 2).

[5] Герой западноевропейской средневековой легенды «Тристан и Изольда». Ремизов обратился к этому древнему сюжету, восходящему к ирландским сагам, в одной из своих последних книг. См.: *Ремизов А.* Тристан и Изольда. Бова Королевич. Париж, 1957.

[6] Верховный бог скандинавской мифологии, герой «Старшей» и «Младшей Эдды».

[7] Летом 1909 г. Лундберг жил в Киевской губернии на хуторе Злодиевка.

lib.pushkinskijdom.ru

[8] Неизменный атрибут казенного российского быта, упоминаемый также в самом начале статьи Иванова-Разумника, посвященной деятельности петербургского Религиозно-философского общества: «Кто странствовал по глухой проселочной России, ночевал в земских избах или грязных номерах захолустных гостиниц, — тот знает, что такое „клопиные шкурки". Изголодавшиеся, высохшие, сухие клопы, от которых одно только спасение — встать, одеться и терпеливо ждать рассвета, или уйти на вольную волю, на свежий воздух» (*Иванов-Разумник.* Клопиные шкурки // Заветки. 1913. № 2. С. 105).

[9] В июле 1911 г. Ремизовы посетили Женеву и Коппе и несколько дней гостили у Лундберга. См. письмо Ремизова к А. Блоку от 11 июля, отправленное из Женевы (Переписка с Ремизовым / Вступ. статья З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 96 (Литературное наследство; Т. 92)).

[10] Обратный путь Ремизовых в Россию проходил через Женеву, Нюрнберг и Берлин. См. итинерарий Ремизова 1905—1912 гг. (РНБ, ф. 634, оп. 1, № 3, л. 15).

3

Октябрь—ноябрь 1911 г. Йена[1]

Милые Ремизовы — здравствуйте. Вы, Серафима Павловна, верно, получили мое письмо. Неприятно было, что послал его, написанное в дурную минуту — но из песни слова не выкинешь, бывают и такие дни.[2]

Борюсь с нервами прогулками, душами, а больше всего работой, работа крепит и бодрит. Подчас ее слишком много, едва справляюсь, но нравится мне, что немцы требовательные учителя.[3] Много у них лишнего, и педантизма, и бескрылости, и бездарности — но школа хорошая. Трудно здесь то, что Петербург и Москва манят издали к<а>к «настоящая жизнь» — и все забываешь, что без багажа, без высиженного в глуши и одиночестве нечего туда являться, ибо там только твориться можно, а не накоплять. Не пристало мне о накоплении говорить — нечего и не к чему, но тут дело только в слове. М<ожет> б<ыть>, не копить, а подобраться.

Счастлив я, что разделался со Швейцарией. Гнуснее страны нет, верно, на свете — убогая, глупая и торгашеская. Гора с плеч и то, что разрешен приезд в Россию. Надеюсь, что предательства тут не будет никакого. Я в большой тревоге о Демьяныче — вот уже 3 месяца нет о нем вестей — это плохо, что-ниб<удь> случилось: лишь бы не самое худшее — а то либо болезнь, либо переехал куда-нибудь подальше. Гадок человек: поминаю его, и приходит покой и прочность какая-то: ты там, а я здесь, в Германии, и прежняя готовность поменяться тает. —

Что работы Ал<ексея> Мих<айловича> — пишет ли он сейчас новое и большое? Так давно не был в П<етер>б<у>рге, что и голоса забыл — Зин<аиды> Ник<олаевны>[4] и др<угих>, и манеру спорить, и темы. Приехал ли Сологуб из-за границы?[5] Коли не трудно, напишите об этом два слова. В их отсутствии была там оставлена статья моя[6] — и боюсь опять глупого положения: я жду, и статья ждет. Надеюсь, Чеботаревская[7] ответит мне? Смертельно надоели эти ожидания, вопросы и пр<очая> дребедень. Дописываю свою III кн<игу> рассказов[8] — и думаю, что лучше бы ей не дописываться: от всего

lib.pushkinskijdom.ru

этого огорченья и досады кухонного свойст<в>а — а сама «литература» где-то там в поднебесьи гуляет.

Ну, будет. Всего лучшего. Буду ждать вестей от Вас. Здоров ли Ал<ексей> Мих<айлович> — что его язва, неужели до сих пор все кофе да овсянка на столе?

Поклонитесь Зин<аиде> Ник<олаевне> — все собираюсь написать ей, да трудно это. Из Берлина мне писали,[9] что Вы приедете на Рожд<ество> — правда ли это и насколько осуществимо?

До свидания.

Евг. Лундберг.

Если случ<айно> узнаете от Чеботаревской, что статья где-ниб<удь> устроена, пусть пришлют по телеграфу аванс (телегр<аф> — банком через Crédit Lyonnais). Адрес мой на вечные времена: Jena, poste rest, Eugene von Lundberg.

Не смейтесь над моим наследствен<ным> фоном больше, чем я над ним смеюсь: он открывает здесь все двери.

[1] Письмо датируется по содержанию.

[2] Ср. с письмом Иванова-Разумника к Ремизову от 1 ноября 1911 г.: «Что у Вас с Лундбергом? Шестов писал, что кошка пробежала. Быть может пробежала и уже убежала?» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. 2. С. 58).

[3] В октябре 1911 г. Лундберг переехал в Германию. В письме от 28 октября Шестов сообщал Ремизову: «Евгений Германович теперь в Йене. Записался в студенты, учится» (Русская литература. 1992. № 4. С. 105).

[4] С поэтессой, драматургом, литературным критиком *Зинаидой Николаевной Гиппиус* (1869—1945) Лундберг познакомился в 1903 г., в редакции журнала «Новый путь». Спустя двадцать лет Гиппиус напишет в своих воспоминаниях: «Лундберг — называл себя моим „крестником". Мне принадлежит... заслуга? спасения его первой рукописи от редакторского камина. Двери нашего тогдашнего журнала следовало, по моему убеждению, широко открыть начинающим. <...> Рукопись Лундберга показалась мне не блестящей, но возможной. Вызываю неизвестного автора. И вскоре он становится частым посетителем как редакции, так и моего дома. Большеголовый, большелицый, бледный юноша в синей рубашке. Дикий неврастеник. Любит длинные, надрывные разговоры. И мало-помалу я убеждаюсь, что этот человек, не лишенный, может быть, способностей, но обреченный на „личную негодность": его точит и ест червяк безнадежного честолюбия слабых. Слабняк, если он не глуп, начинает в этом случае с потери равновесия. И Лундберг особенно охотно говорит — о самоубийстве. Не всегда можно полагаться на правило: „не убьет себя тот, кто о самоубийстве говорит". И потому оставить Лундберга уклониться от бесконечных разговоров мне не хотелось. Они, впрочем, не давали ему помощи: внутренний червяк тщеславия, сосредоточенное, болезненное саможаление заслоняли его от всех спасительных интересов — к искусству, к философии, к вопросам общественным. Особенно безразличен, даже враждебен он был к последним. Но то обстоятельство, что он очутился в литературном кругу в связи с людьми, в которых он хотел вызывать к себе участие, — пожалуй, ему и помогло. Из Киева, куда он уехал, он продолжал писать мне. С удивлением мы узнали, что он сделался „учеником" и даже „любимым", Л. Шестова. Мимолетная встреча в Киеве показала мне того же Лундберга, ноющего, скорченного от внутренней, мелкой боли, ничем, кроме нее, не интересующегося; вернее — все берущего, как средство для ее невозможного утоления. Как в письмах своих — он был уныло и злобно льстив... <...> В Петербурге, когда Лундберг туда снова переехал, мы уже не встречались. Нужды в нас больше не было. Сделавшись заправским литератором (при посредстве ли одного своего „учителя" или других наивных людей — не знаю) он даже писал какие-то особенно злостные против нас статьи» (*Крайний А.* Лундберг, Антонин, Есенин // Послед-

lib.pushkinskijdom.ru

ние новости. 1922. 6 июля, № 680. С. 2—3). См. также: *Гиппиус З. Н.* Мечты и кошмар: В 3 т. СПб., 2002. Т. 1. С. 266.

[5] В октябре—ноябре 1911 г. поэт, прозаик *Федор Сологуб* (наст. фам. и имя — Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) с женой путешествовали по Европе. См. письма Ан. Н. Чеботаревской к сестре Александре: РО ИРЛИ, ф. 189, № 173.

[6] Речь идет о статье «Лирика Федора Сологуба», которая готовилась для сборника «О Федоре Сологубе» (СПб., 1911), составляемого Ан. Н. Чеботаревской. Статья Лундберга не была принята, однако позднее вышла в «Русской мысли» (1912. № 4. Отд. II. С. 57—86). Ср. с письмом Лундберга к Ан. Чеботаревской из Йены от 24 декабря 1911 г.: «Спасибо за письмо <...> и за отзыв Федора Кузьмича. Читая его, так досадно было на себя, — что глядел-глядел, но не доглядел. Что до „деловой" стороны Вашего письма — мне так важно, чтобы статья была напечатана, что я принужден просить Вас передать ее в „Аполлон", хотя у меня очень мало надежд, чтобы ее там напечатали. Если это удобно, я просил бы редакцию „Аполлона" <...> не уничтожить статью в случае отказа, а переслать ее П. Б. Струве для „Русской мысли"» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 153, л. 3). В архиве Ф. Сологуба сохранилась машинопись этой статьи с авторской правкой и датировкой «Coppet (Швейцария), октябрь» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 7, № 140). Лундберг продолжал работу над статьей и в 1912 г., предполагая перевести ее к концу года на немецкий язык, о чем сообщал в письме к Ан. Чеботаревской от 12 августа 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 153, л. 9).

[7] *Чеботаревская Анастасия Николаевна* (1876—1921) — критик, переводчица.

[8] Первые два сборника рассказов были изданы в Киеве в 1909 г. под названиями «Мои скитанья» и «Рассказы»; третья книга так и не увидела свет.

[9] Очевидно, источником этих сведений были берлинские друзья Шестова — Я. С. и Ф. Л. Шрейберы.

4

Начало марта 1912 г. Москва[1]

Дорогой Алексей Михайл<ович>,

Будьте добрым, пошлите к<уда>-ниб<удь> прилаг<аемое> письмо[2] — я не знаю, куда его направить. Есть ли у Вас что-ниб<удь> о «Тринадцатом»?[3] Сижу без денег, были бы кстати даже гроши к<акие>-нибудь.

Скоро увидимся — оттого и пишу т<а>к коротко. 13-го читаю о Гиппиус,[4] скоро и о Лютере,[5] нужно еще поработать над этими чтениями.

В России трудно: уж очень безотрадны впечатл<ения>. Я с легкостью ворочусь опять заграницу, хотя и тосковать буду попрежнему. Нельзя человеку надеяться на внешнее, хотя бы на «родину» и «близких» — надо, приходится только в себе искать силы, этому трудно научиться — и вряд ли оно возможно вообще. Привет Сер<афиме> Павл<овне>. До свидания скорого. Напишите же! Адр<ес>: Моск<овский> центр<альный> почт<амт>, до востр<ебования>.

Ваш Евг. Лундберг.

Если есть возможность легкая добыть рубл<ей> 25, пришлите: 13-го верну, ибо получу 150 за лекцию!

Напишите открытку — сегодня же, д<орогой> А<лексей> М<ихайлович> — беспокоюсь.[6]

[1] Письмо датируется по содержанию.

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Упомянутое письмо не сохранилось.

[3] Очевидно, речь идет об одном из рассказов Лундберга, безуспешные хлопоты по публикации которого взял на себя Ремизов. Ср. с письмом Шестова к Ремизову от 5 сентября 1911 г. «Теперь насчет Лундберга. С ним плохо: опять температура 38. Конечно падает духом. Уже постарайся что можно сделать. Кому ты сдал его „Тринадцатого“?» (Русская литература. 1992. № 4. С. 104); а также с письмом Пришвина к Ремизову от 18 сентября: «...я потому не ответил Вам, что дожидался своих вещей из Белева, в которых находится и рукопись Лундберга. Сейчас я их получил и сегодня же отправлю Лундбергу его рукопись» (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подгот. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 185).

[4] По-видимому, лекция, посвященная поэтическому творчеству З. Н. Гиппиус, была прочитана неделей позже. О том, что в Литературно-художественном кружке в 9 часов вечера состоится «литературное собеседование (выступление Е. Г. Лундберга на тему „Религия и лирика несвободной души“)», московская газета «Утро России» извещала читателей 20 марта в рубрике «Сегодня» (1912. № 66. С. 6). Очевидно, именно на основе этого доклада Лундберг написал статью «Проза и поэзия З. Гиппиус», которую опубликовал в журнале «Заветы» (1913. № 1. Отд. II. С. 68—79) с авторским примечанием, где указывалось, что «настоящая статья является отдельной частью более подробной, которая будет напечатана полностью под заголовкой „Религия и лирика несвободной души“ в сборнике критических статей автора, подготовленном к печати» (С. 68). См. также статью Лундберга «Поэзия З. Н. Гиппиус» (Русская мысль. 1912. № 12. С. 55—66).

[5] Отчет о выступлении Лундберга в московском Религиозно-философском обществе был помещен в газете «Утро России»: «В воскресенье, 11 марта, в квартире М. К. Морозовой состоялось закрытое заседание общества, на котором Е. Г. Лундберг прочел доклад на тему „Религиозный индивидуализм и католическая реакция (О спасении делами и спасении верой)“. В центре своего доклада Е. Г. Лундберг поставил Лютера, его страстное богоискательство, мучительную борьбу с самим собой и „отступничество“ от католической церкви, которая в свою очередь горячо ополчилась на реформатора, между прочим, в лице доминиканца Динифле, обвинявшего Лютера в извращении взгляда на брак, в лжи и клевете на задачи церкви и личной слабости, невежестве и распущенности. Докладчик, выясняя рознь между Лютером и лютерианством, сочувственно оттенил начала религиозного индивидуализма, руководившие великим германским проповедником и заставившие его покинуть католический монастырь для того, чтобы остаться „наедине с Богом и с собою“. Оппонентом Е. Г. Лундберга выступил С. Н. Булгаков, по словам которого дело Лютера явилось бунтом, отрицанием и как таковое не могло послужить основанием для новой церкви. С точки зрения С. Н. Булгакова, Лютер побежденным вышел из своей борьбы, хотя исторически он и признан победителем, ибо нельзя отрицанием наполнять жизнь. Кроме С. Н. Булгакова в беседе приняли участие несколько других членов общества, в том числе Андрей Белый. Как самый доклад, так все собеседование, затянувшееся довольно долго, касалось вопросов исключительно богословского характера» (1912. 13 марта, № 60. С. 4).

[6] Приписка слева, по краю письма.

5

11 (24) января 1913 г. Берлин[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо Вам за 8 том, сейчас читаю «Иуду, принца».[2]

При случае, коли захочется, напишите мне, какую роль играли во время работы греч<еские> трагедии?[3] Затем большая просьба: я готовлю для изд<ания> работу о Шестове,[4] хотелось бы вставить Вашу рецензию на «Апофеоз», что была в отд<еле> частн<ой> пере-

lib.pushkinskijdom.ru

писки в «Вопросах жизни», не то в «Новом пути».[5] Если не трудно, пришлите, возвращу. Сердечный привет Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Евг. Лундберг.

Адр<ес>: Wilmersdorf bei Berlin, Nassauizcke str. 6 parterre.
Eugen<e> v<on> Lundberg.

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Речь идет о восьмом томе «Сочинений» (СПб.: Сирин, [1912]) Ремизова, в состав которого, наряду с другими драматическими произведениями писателя, вошла и «Трагедия о Иуде принце Искариотском», впервые опубликованная в журнале «Золотое Руно» (1909. № 11—12. С. 15—46).

[3] В основу «Трагедии о Иуде» была положена комбинация апокрифических сюжетов об Иуде-предателе (список источников Ремизов приводит в авторских комментариях к восьмому тому своих «Сочинений»), а также один из сюжетов мифа о Эдипе (Эдип и его родители). Подробнее см.: *Герасимов Ю. К.* Театр Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 187; *Климова М. Н.* «Трагедия о Иуде, принце Искариотском» А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи: Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1985. С. 89—100.

[4] Несостоявшийся проект, в основу которого, по-видимому, была положена статья «Заметки читателя. О Льве Шестове» (Речь. 1911. 31 июля, № 207. С. 2—3), а также еще две статьи (неопубликованные и несохранившиеся), над которыми Лундберг работал в августе 1911 г., предполагая поместить их в газете «Речь». См. упоминание об этом в письме Шестова к Ремизову от 8 августа 1911 г.: «Я порадовался за Лундберга. Статья действительно прекрасно написана. Теперь Лундберг пишет вторую статью критическую. Если ее „Речь“ напечатает и если она к тому же окажется также хорошо написанной, он пошлет третью» (Русская литература. 1992. № 4. С. 100).

[5] Рецензия Ремизова на книгу «Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» (1905) была опубликована в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 7. С. 204) в разделе «Из частной переписки» под названием «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз беспочвенности“».

6

27 марта (9 апреля) 1913 г. Москва[1]

Дорогой Алексей Михайлович — спасибо Вам за письмо, указания и вырезку. К Новикову пока не пойду: работы много и не хотел ходить.[2] Поселился в 15 верст<ах> от Москвы в Лосином Острове, в лесу. Хорошо, что не слышно кругом и не видно ни авто, ни немцев, ни готики берлинской. По всему видно, что застряну в России на все лето. — Поклонитесь Сологубам. Скажите, что не зашел, т<а>к к<а>к думал, их нет в П<етер>б<урге>. — Заграничная газета «Заграничные отклики» просит В<ашего> разрешения перепечатывать изредка из газет В<аши> сказочки или рассказы (гонорары не платит, изд<ается> в Берлине 5000 экз<емпляров>, расходится по всей Германии, Швейц<арии> и франц<узским> курортам, беспартийна и прилична).[3] Если есть что и хотите дать, пришлите мне. Сердечный привет Сер<афиме> Павл<овне>; рад, что повидался с В<ами> обоими. Дела т<а>к запутыв<аются>, что боюсь, чтобы Универс<итет> не пропал.

Адр<ес>: Москва, почтамт, до востребования.

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Возможно, Ремизов посоветовал Лундбергу связаться с издательством К. Ф. Некрасова через писателя *Ивана Алексеевича Новикова* (1877—1959), который вошел в круг петербургских символистов благодаря знакомству с Ремизовым. В архиве Ремизова сохранились три письма И. А. Новикова к Ремизову, относящиеся к 1912 г. (РНБ, ф. 634, № 164), а также восемь писем 1916—1917 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 143).

[3] «Заграничные отклики» — общественная, политическая, литературная и экономическая газета, выходившая в 1913—1914 гг.; факт публикации произведений Ремизова в этой газете неизвестен.

7

Январь 1914 г. Петербург[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Сверил ошибки по корректурам — 1-я и 2-ая по моей вине, а третья — пропуск типографии уже после того, как была дана подпись к печати.[2]

Сейчас произошли перемены в моей работе — корректором я остаюсь, в конторе уже не сижу.[3]

Кланяется В<ам> Лев Исаакович. Он в Берлине сейчас.[4] Адр<ес> Шрейберов[5] (по-русски — для и т. д.).

Сердечный Вам и Серафиме Павловне привет.

Ваш Евг. Лундберг.

2 № 1 Вам посланы.

[1] Письмо датируется по содержанию.

[2] Речь идет о рассказах Ремизова из цикла «Весеннее порошье» («Заветные сказки», «Бочоночек», «Бабинька), опубликованных в «Ежемесячном журнале» (1914. № 1. С. 41—44).

[3] Имеется в виду работа в конторе «Ежемесячного журнала». Ср. с недатированным письмом к главному редактору журнала В. С. Миролюбову, в котором Лундберг пытался обговорить свое положение в редакции: «Сидеть у Вас в конторе и видеть как *Вы* читаете корректуру, хотя и без того заваленный работой чтения рукописей и организацией журнала — *я не могу*. <...> Делать и корректуру и остальное — не могу. Выход такой: 1) мне делать одну только корректуру <...> и буду в 2 часа приходить делать все существенное до 3, а письма пишет и мелочи всякие пусть чужой, конторщик — что ли. <...> Уменьшите мне жалованье, как хотите — лишь бы все эти треклятые письма, счета и пр<очее> делала чужая рука» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 8—9).

[4] Ср. с письмом Шестова к Ремизову от 1 февраля 1914 г.: «В Берлине без малого 3 недели проторчал...» (Русская литература. 1992. № 4. С. 115).

[5] Речь идет о Фриде Лазаревне и Якове Самойловиче Шрейберах, у которых летом 1914 г. Ремизовы останавливались в Берлине, возвращаясь в Россию из Италии. См. также письмо Я. Шрейбера к Ремизову (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 235).

8

17 (30) ноября 1914 г. Бернгардовка[1]

Дорогой Алексей Михайлович, есть у меня книга моего йенского профессора,[2] большого знатока Визант<ии>, «Византийские легенды». Я Вам ее привезу. Отчего бы Вам не перевести ее, дополнив и

lib.pushkinskijdom.ru

отделав по своему вкусу и своим знаниям. Так сбережете труд, а заплатить сможем рублей 100 с лишком (если меня не обманыв<ает> размер).[3] Книгу привезу на днях — все не соберусь в П<етер>-б<у>рг.[4] Поэтому погодите пока писать сказочки.

До свидания.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка с грифом редакции журнала «Современник»; датируется по почтовому штемпелю. С середины 1914 г. Лундберг возглавлял литературный отдел «Современника».

[2] Вероятно, речь идет о византологе Хенрикусе Гельцере (Henricus Gelzer).

[3] Очевидно, Лундберг предполагал издать перевод книги в журнале «Современник». Проект не был реализован.

[4] В то время Лундберг проживал в поселке Бернгардовка под Петроградом.

9

3 (16) декабря 1914 г. Бернгардовка

СПб., 3 декабря 1914 г.
Бернгардовка.[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Мне ужасно совестно перед Вам. Все откладываю да откладываю к Вам визит — то по недосугу, то по нездоровью. Вот окончится работа над декабр<ьской> книжкой, возьму отпуск[2] (и поеду в Москву) — перед отъездом будет свободное время.

Пожалуйста, Алексей Михайлович, пришлите что-нибудь для января — все, что угодно, кроме писем[3] и детских сказок, вроде городского и деревенского вора.[4] Если лист — так чтобы можно было разделить раза на 2. Если $1^1/_2$ — на 3. Если нет ничего такого, дайте 4—5 страниц. Гонорар обещаю натянуть как только можно — и будет заплачен к 1 января точно. Надоела дрянь, кот<орую> приход<ится> печатать. Нужен мне и Пришвин, писал ему, но он считает хорошим тоном известн<ого> писателя не отвечать на письма.[5] Ну, Бог с ним.

Что́ Серафима Павловна? Здоровы ли? Ответ адресуйте так: Ириновской жел<езной> дор<оги> ст<анция> Бернгардовка, мне. А рукопись на редакцию, чем скорее, тем л<учше>. Сейчас же пойдет в набор.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Письмо на бланке редакции журнала «Современник».

[2] В письме, отправленном 4 ноября 1914 г. (дата устанавливается по почтовому штемпелю), Лундберг делился с К. А. Сюннербергом, отправляясь в отпуск: «У меня чувство прекрасного освобождения от ухода из „Совр<еменника>". Все-таки эсдеки не „мои" люди, и сейчас дивлюсь, как выдержал так долго» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 183, л. 31).

[3] Начиная с 1913 г. в творчестве Ремизова обозначилось новое направление, в основу которого была положена репрезентация традиционной русской эпистолярной (бытовой и деловой) культуры. Рассказы, впоследствии объединенные общим названием «Россия в письменах» (1922), характеризовались использованием документов де-

lib.pushkinskijdom.ru

лопроизводства конца XVII, XVIII и XIX в., различных надписей на печатях, фрагментов календарей и пр., а также прямым введением в текст имен не только безвестных реальных лиц, имеющих отношение к сохранившемуся «памятнику» письменности, но и настоящих имен многих знакомых Ремизова.

[4] Очевидно, речь идет о сказках, вошедших в раздел «Воры» сборника «Докука и балагурье: Народные сказки» (СПб.: Сирин, 1914), в основу которых был положен пересказ фольклорных источников.

[5] Осенью 1914 г. *Михаил Михайлович Пришвин* (1873—1954) находился на фронте в Галиции (Западная Украина). См.: *Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 90—112. В «Современнике» был опубликован его рассказ «Медвежья шуба» (1914. Кн. 6. Март. С. 7—12).

10

10 (23) декаря 1914 г. Всеволожск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Корректура Ваша будет после Рождества.[2]

Деньги (пока 25 р<ублей>) во вторник доставлю Вам, — либо Вас попрошу, если не буду здоров, прислать за ними кого-нибудь.

Привет Вам и С<ерафиме> Павл<овне>.

Ваш Е<вг. Лундберг>.

[1] Открытое письмо с грифом редакции журнала «Современник»; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Очевидно, речь идет о публикации в журнале «Современник» ремизовских сказок «Нужда», «Праведный судья», «Награда» под общим названием «Докука. Народные сказки» (1915. № 1. С. 30—37).

11

12 (25) мая 1915 г. Киев

Киев. 12 мая.

Дорогой Алексей Михайлович —

Вот уже 2 недели в отъезде, а пока ни отдыха, ни покоя — люди, люди и люди. Пишу к Вам по делам: посылаю небольшой, очень простой рассказ более 1/2 листа — м<ожет> б<ыть>, Влад<имир> Ник<олаевич>,[1] к<а>к мы сговаривались, пристроит его в «Ниве»[2] возможно дороже — гонорар по возможности скорее, и если будет пересылаться, то хот<ь> телеграфом. Надеюсь на удачу и телеграфность, сами знаете, очень важна. 2) Подтвердите письменно В<аше> желание и согласие дать автобиографию[3] и *примечания* свои (о сказке и апокрифе[4]) к моей книжке о Ремизове — наметил материал, выходит около 7 листов, надо будет к осени издать отдельно, поэтому важно знать вперед.[5] 3) Пришлите самую коротенькую из В<аших> сказочек на листке почтовой бумаги.[6]

lib.pushkinskijdom.ru

Как здоровье? Что Сер<афима> Павл<овна>? Какие планы на лето? Очень прошу с рассказом не медлить, очень и очень мне это важно.

Привет С<ерафиме> П<авловне> и Вам. Адрес на обороте.[7]

Ваш Евг. Лундберг.

[1] *Гордин Владимир Николаевич* (1882—после 1926) — прозаик, журналист, сотрудник журнала «Нива». Примечательно, что и сам Ремизов 12 августа 1915 г. обращался к Гордину с просьбой проследить судьбу отданного в редакцию «Нивы» рассказа «Чайничек»: «Прошу Вас о „Ниве" попамятовать. Сговоритесь о цене и, если увидите, что уступить надо, уступите, принимая во внимание гонорар мой за рассказ о Корявке, который был напечатан в „Ниве"» (РНБ, ф. 124, № 3614, л. 17).

[2] В журнале «Нива» за 1915 г. не было публикаций сочинений Лундберга.

[3] Лундберг предполагал использовать текст автобиографий Ремизова, написанных писателем в 1912 и 1913 гг. по заказу С. А. Венгерова. Первая была написана для одного из неосуществившихся томов издания «Русская литература XX века» (М.: Мир), а вторая предназначалась для готовившегося критико-биографического «Словаря русских писателей». См. публикацию этих текстов в приложении к статье А. М. Грачевой «Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность» (Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 437—447).

[4] Свою концепцию обработки фольклорного и апокрифического материала в художественных произведениях Ремизов впервые изложил в «Письме в редакцию», опубликованном в связи с обвинениями в плагиате (Русские ведомости. 1909. 6 сент., № 205. С. 5). Глубоко научное знание текстов-источников, оформленное в виде примечаний к сборникам сказок и легенд, писатель продемонстрировал в авторских комментариях к т. VI («Сказки») и т. VII («Отреченные повести»), изданным в «Шиповнике» и «Сирине» в 1911—1912 гг.

[5] Один из многочисленных незавершенных проектов Лундберга. Несмотря на многократные намерения опубликовать критическое исследование о Ремизове, фактически единственным печатным выступлением критика по поводу творчества писателя стала рецензия на книгу профессора А. В. Рыстенко «Заметки о сочинениях Алексея Ремизова» (Одесса, 1913) в журнале «Заветы» (1914. № 3. Отд. III. С. 61).

[6] Возможно, Лундберг предполагал факсимильно воспроизвести каллиграфическую рукопись Ремизова по примеру того, как это было сделано в альбоме (приложении к журналу «Новый журнал для всех») «Галерея современных писателей» (СПб., 1910. С. 19).

[7] На обороте приписано: «Киев, Сретенская ул., д. 17, кв. 10 (у Е. М. Кузмина)».

12

15 (28) июня 1915 г. Киев[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Не знаю (получил Ваше письмо), какие у меня основания сердиться на Вас? По-моему, все по-хорошему. Рассказ вам послан — ах, если бы его можно было реализовать не в недели, а в дни, да по телеграфу — ведь Киев так гадок. Автобиогр<афию> наново писать не стоит, по-моему. Я думал, как Вы предлагали, использовать ту, что у Венгерова. Работа о Ремизове набросана уже в главных частях — если разрастется, раньше поздней осени не закончу. Коли доживем, поговорим о ней в П<етер>б<у>рге. Привет С<ерафиме> П<авловне> и Вам. Тяжкий какой год.

Ваш Евг. Лундберг.

lib.pushkinskijdom.ru

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

13

24 июня (7 июля) 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Будьте добрым, претерпите мои частые на этот раз посылки: послан был рассказ, а сегодня статья небольшая — сделайте *все что угодно,* только бы поскорее реализовать — страшно все это нужно. Если уезжаете — напишите, если не удастся уладить, тоже напишите. Местом не стесняйтесь... Адр<ес> мой: Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востребования. Либо откр<ыткой>, либо заказным. Если что-либо денежное будет реализовано, туда же. Простите. Привет С<ерафиме> П<авловне> и В<ам>.

[1] Почтовая карточка, датируется по штемпелю.

14

9 (22) июля 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Приехал в Новгород-Северск и очень тревожусь о делах: если нет, напишите — нет, да — да, тревожно без известий. А Вы-то сами где и как? В Новгороде (чудесный городок и за границей таких не видал) и Вам было бы очень интересно — старина.

Адр<ес>: Новгород-Северск, Чернигоской губ<ернии>, до востребования.

Ваш Евг. Лун<дберг>.

Получили ли вторую рукопись (статью)?

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

15

17 (30) июля 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за открытку — я уж приходил в отчаяние от неопределенности. Конечно, отдайте рассказ в «Лукоморье»[2] — мне все равно. М<ожет> б<ыть>, и статью туда же? Главное — реализовать скоро. Если что удастся, по-прежнему просьба — перевод телеграфом. Адрес прежний: Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востреб<ования>. На днях вышлю еще один рассказ — если никуда не пойдет, перешлите его, будьте добрым, в «Русскую мысль» просто бандеролью. — В Новгороде тихо и старина — это успокаи-

lib.pushkinskijdom.ru

вает и дает работать. Чудесные окрестности. Пока застряну здесь. Лето неудачное — на душе, как у всех, тяжко. Начал работать на<д> большою беллетристич<еской> вещью — что-то из всего этого выйдет. Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>. Чуть что, напишите 2 слова на открытке, и главное, главное — реализовать что-нибудь. До свидания. Не сердитесь за хлопоты.

[1] Открытое письмо; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Еженедельный литературно-художественный и сатирический журнал, издававшийся в 1914—1917 гг.; редактор — А. М. Селитренников (А. Ренников; 1882—1957), издатель — М. А. Суворин.

16

23 июля (5 августа) 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович.

Если Вы знаете хоть что-ниб<удь> точное о призыве ратников ополчения II-го разряда (когда, какие сроки, за сколько лет),[2] не поленитесь, напишите мне 2 слова. — И затем, если можно, реализуйте мои рукописи — ибо боюсь застрять здесь и призываться в глуши — а тронуться сейчас др<угих> возможностей нет. Если что удастся — телеграфом, телеграфом, а то я погрязаю здесь все глубже. Ведь вся литература пойдет, коли призыв больше 10 лет, и Ив<анов>-Раз<умник>, и Сухан<ов>,[2] и др. А Вы как? Вряд ли доброе из нас выйдет воинство.

Евг. Лундберг.

Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>, до востребования.

[1] Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

[2] В середине июля 1915 г. был обнародован высочайший указ о призыве новобранцев, родившихся в 1896 г. Мобилизация была назначена на 7 августа. Высочайший указ о призыве ратников ополчения I и II разрядов вышел спустя год — 7 июля 1916 г.

[3] *Суханов Николай Николаевич* (наст. фам. Гиммер; 1882—1940) — публицист, один из редакторов журнала «Современник».

17

28 июля (10 августа) 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за открытку. II-ой рассказ небольшой на днях пришлю. Но главное, если это возможно, реализуйте присланное. До зарезу нужны деньги — боюсь: со дня на день мобилизация II разряда моих сроков, а попасть в мобилиз<ацию> в глуши — жутко и неприятно*. Сабашникова нет в Москве,[2] и контора его чинит мне препятствия с деньгами — одна надежда на Ваше «Лукоморье». Попадаю туда (если Вы меня проведите) вполне сознательно: мне надоело то, что «Речь», «День», «Русск<ие> вед<омости>» и др. вечно указывают

lib.pushkinskijdom.ru

на дверь. — Вот не знаю только, как в «Русск<ой> мысли» будет. Т<ак> к<ак> рассказ большой вышел, я его послал непосредственно туда.[3] Давно (6 лет) так легко не писалось, как сейчас — и я возвращаюсь к беллетристике с радостью и легким сердцем. Покажу Вам, коли захотите, в П<етер>б<у>р<г>е большие по размерам вещи. Перестал себя стыдиться в письме — и это очень помогло.

Получил от Льва Ис<аакиевича> письмо — с передачей от Разумн<ика> Вас<ильевича> приглашения в его новый журнал.[4] Удивило это меня искренно: во 1, Р<азумник> В<асильевич> знает мой адрес или может знать, во 2, не затем я ушел из «Заветов», чтобы входить в новые «Заветы».[5] В 3, он знает, что я вошел бы только на началах полной автономии — «мой лист» в книге и до него никому дела нет — а на такие условия он не пойдет. Верю ему и ценю как человека, но не верю и не люблю как редактора.[6] И чего он еще Льва Ис<аакиевича>, столь чужого всякой левизне, хочет впутать в свое литерат<урное> предприятие.[7] Хотя бы из дружбы к нему не затевал этого курьеза. Ох, уж эти писатели. —

Теперь приезжать в Новг<ород>-Сев<ерск> поздно. Нахлынули беженцы. Кругом сотни и сотни детей и женщин. Все занято, квартир нет. Поезда переполнены. Я приехал к друзьям детства — это семья одного превосходительства и тайного советника — и тем не менее надо складывать вещи и уезжать. Чуть получу от «Лукоморья» золото, немедленно выеду в Петербург — и там, если это Вам подойдет, предложу Вам одну комбинацию уединенного осеннего житья в лесу, недорогого и удобного. Уезжать из П<етер>б<ур>-г<а> далеко сейчас неблагоразумно. Немцы прут с настойчивостью необыкновенною. Очень м<ожет> б<ыть>, что скоро и П<етер>-б<у>рг будет под угрозой. Лучше сидеть на месте, и уж если ехать, то ехать на Урал, в Самару, в Вятку, в Пензу — хотя и там беженцы и пленные и военная разруха (колонистов выселяют и разоряют беспощадно).

Прилагаю доверенность.[8]

Дорогой Алексей Мих<айлович> — на этот раз *сделайте сейчас же что можно.* Пусть чертово «Лукоморье» возьмет и рассказ («Учитель»[9]), и статью[10] и пришлет мне *телеграфом,* непременно *телеграфом* — ну — сто рублей, а то я в капкане и не знаю, как выбраться. Главное — скоро — *как можно скорее,* каж<дый> день бегаю на почту и каждый день тоска и скука от этих «нет», «нет». До свидания.

* Это значит попасть в пешие солдаты, в городовые, в кашевары, несмотря на больные ноги, и не иметь возможности выбраться — из солдат не переводят.[11]

[1] Письмо датируется по тексту доверенности (см. прим. 8).

[2] Летом и осенью 1915 г. *Михаил Васильевич Сабашников* (1871—1943) — московский купец, меценат, совладелец и фактический руководитель «Издательства М. и С. Сабашниковых» (1890—1930) — находился на фронте, возглавляя Сибирский медико-санитарный отряд. Подробнее см.: *Сабашников М. В.* Воспоминания. М., 1988. С. 379—380.

[3] Публикация рассказа Лундберга в «Русской мысли» не состоялась.

lib.pushkinskijdom.ru

[4] Планы были связаны с созданием нового журнала с тем же самым кругом редакторов и авторов, который сложился в «Заветах», прекративших существование в соответствии с правительственным запрещением в августе 1914 г. после вступления России в войну. Ср. также с письмом Иванова-Разумника к К. А. Сюннербергу от 17 мая 1915 г.: «Поздней осенью надеемся воскреснуть» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 145). Позднее Иванов-Разумник предпринимал усилия по изданию сборника «Скифы», первая книга которого (редактируемая А. И. Иванчиным-Писаревым, Р. В. Ивановым-Разумником и С. Д. Мстиславским) увидела свет только в августе 1917 г. Лундберг в «Скифах» участия не принимал.

[5] Очевидно, Лундберг разорвал отношения с «Заветами» в результате конфликта, разгоревшегося между ним и Ивановым-Разумником в середине января 1913 г. Ср. с письмом Шестова к Ремизову от 21 января 1913 г.: «Вчера и я получил откр<ытку> от Лун<д>б<ерга>, в которой он меня извещает, что поссорился с Ив<ановым>-Раз<умником>? Глупейшая вышла история! И, главное, еще неделю тому назад Л<ундберг> жаловался мне, что Р<азумник> В<асильевич> не отвечает ему на письма и телеграммы. Я тогда же ответил ему, что тут должно быть недоразумение. Оно так, по-видимому, и вышло, судя по открытке Лун<д>б<ерга>: Р<азумник> В<асильевич> не получил какого-то его письма. Нечего и говорить, что скандала делать не следовало, и что Л<ундберг> поступил нехорошо. Я ему в ответ и написал, что самое лучшее теперь прямо и открыто признаться, что поступил нехорошо. Не знаю, послушается ли. <...> Нужно сделать все, чтобы эту историю как-нибудь „потушить". В оправдание Л<ундберга> или, точнее, не в оправдание, а в объяснение его поступков, можно привести только его болезненное состояние и вечную денежную запутанность. Нервы у него взвинчены, а человек он крайне непрактичный. Пошлет статью, ему кажется, что деньги должны чуть ли не по беспроволочному телеграфу придти. А того не знает, что, может, у Р<азумника> В<асильевича> и денег нет, и времени нет, и что у него не один, а 50 сотрудников и сотни дел. <...> Ты как-нибудь постарайся уладить, если можно, и так устроить, чтоб „Зав<еты>" все-таки его напечатали. Из „Речи" его уже выперли, в „Р<усской> мысл<и>" тоже не распечатаешься, „Запро<сы> жизни" прикрылись, если из „За<ветов>" уйдет, куда ему деваться» (Русская литература. 1992. № 4. С. 109—110).

[6] Ср. с развернутой характеристикой Иванова-Разумника, которую Лундберг дает в недатированном (вероятно, май 1912 г.) письме из Йены к В. С. Миролюбову: «Вы спрашиваете об Иванове-Разумнике. Охотно исполню Ваше желание, хотя знаю ли я его т<а>к, чтобы мои слова Вам могли быть интересны? Разумникова лучшая добродетель — прямота и безукоризненная внутр<енняя> честность, затем он всегда знает, чего хочет. Самый большой его порок — недостаток дарования и гибкости. Для журнала он очень полезный человек — наверное. Точностью, вкусом, очень хорошим знанием и трудоспособностью он может уберечь „Заветы" от ненужных мелких словесных резкостей, из-за которых, напр<имер>, была конфиск<ована> 1 книга. Он больше всего — *полезный* в литературе человек, без краснобайства Овс<янико>-Куликовского, и без самодурства (но и без дарования) Чуковского. Больших проблем он ставить не умеет (для этого он слишком „математик" — по образ<ованию> и по вкусам), но около них ходит уверенно, и бывает проницателен. Я ему никогда не прощу его книги о Шестове — но Ремизова и Пришвина он оценил, как никто из критиков. Производил он на меня впечатление человека упорного в своих правилах и проведении их — но ведь это лучше, чем слабость. Но повторяю, лучшее в нем после интриганской сумятицы декадентских кружков (Бр<юсова> и Мереж<ковского>) — прямота и чистота писателя старой школы. Темперамента у него нет, мечты нет, говоря о трагическом и личном элементе, он охотно тащит его на огонек или на ледок исторического — впр<очем>, все это уже о книгах, а не о нем» (РО ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 739, л. 19—19 об.).

[7] В первом сборнике «Скифов» (Пг., 1917) была опубликована датированная 1916 г. статья Льва Шестова «Музыка и призраки» (С. 213—232), которая позже вошла в его книгу «Potestas Clavium» (1923).

[8] К письму на отдельном листе был приложен текст доверенности: «Дорогой Алексей Михайлович, Доверяю Вам ведение переговоров с петроградскими журналами о печатании моих произведений, сдачу рукописей, определение условий и получение гонораров. Евгений Лундберг. Новгород-Северск, Черниговской губ<ернии>. 28 июля 1915 г.».

lib.pushkinskijdom.ru

[9] В «Лукоморье» рассказ не был опубликован. Следующую попытку напечатать «Учителя» Лундберг предпринял в начале 1916 г., когда отправил рукопись в журнал «Русская мысль». См. регистрационную запись № 19 от 20 января в учетной книге для записей рукописей, поступивших в редакцию в 1916 г. Однако и этот журнал не принял рассказ к публикации, и 5 марта рукопись была отправлена обратно автору (РО ИРЛИ, ф. 264, № 44, л. 11).

[10] Речь идет о статье «У черты», которая была опубликована в журнале «Лукоморье» (1915. 29 авг., № 35. С. 14—15).

[11] Приписка с левого края страницы.

18

2 (15) августа 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо за услугу большую, чуть аванс придет, выеду в Пе<тер>б<у>рг — возможно, что ехать придется в объезд, беженцев т<а>к много, что поезда и пароходы переполнены. Жаль, что Вам нельзя проехаться по местам Гомель—Витебск, поговорить с людьми, идущими пешком по 300 верст — это больше всяких боев, от Ветхого Завета нечто. — Еще раз спасибо, привет Сер<афиме> Павл<овне>, до свидания.

Ваш Евг. Лундберг.

Рассказ высылаю.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

19

4 (17) августа 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Сейчас получил перевод — спасибо большое. Теперь начинается новая морока — ожидание поезда, на кот<ором> можно выехать. Беженцев тысячи. М<ожет> б<ыть>, придется на Москву. М<ожет> б<ыть>, до Брянска на пароходе.

До свидания — на днях как-нибудь да выеду, выручили.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

20

Начало августа 1915 г. Новгород-Северск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваша откр<ытка> о доверенностях странно запоздала: послана 30 VII, получил 7 VIII. Надеюсь, недораз<умений> никаких не вы-

lib.pushkinskijdom.ru

шло. Деньги пришли к<а>к раз вовремя — спасибо, а на перевод телег<рафом> В<ам> и не следовало тратиться. Выехать отсюда просто нет возможн<ости>. Пришлось собрать 9—10 человек, едущих в Москву, послать посыльного в Киев (12 часов езды) и заказать 2 купе, оплатив от Киева — да и то только на 13 число. Выезжаю через Москву — там не остановлюсь — т<а>к что числа 15—16 буду у Вас. Если у Вас от «Лукоморья» что-ниб<удь> соберется к тому времени, будет очень кстати.

Привет С<ерафиме> Павловне и Вам.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Датируется приблизительно по содержанию.

21

22 августа (4 сентября) 1915 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Приехав, дважды звонился к Вам, да дозвониться не мог[2] — сегодня еду в свой деревенский домик и, возвратившись, рассчитываю застать записку от Вас, когда быть можно — между вторником и пятницей, в любой удобный Вам день и час.

Петербург невыносим и количеством слухов и тревог.

Вам и Серафиме Павловне всего лучш<его>. У Льва Ис<аакиевича> убит сын — если станете ему писать, не упоминайте о сыне.[3] Когда я был в Москве, Бутова была очень плоха, едва ли протянет.[4]

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю. Кроме того, имеется помета рукой А. М. Ремизова: «29 VIII 1915». На открытке петербургский адрес Ремизова (Таврическая, 7, кв. 23) исправлен на адрес: Ессентуки. Санатория Зернова, 338.

[2] С 9 августа по 8 сентября 1915 г. Ремизовы отдыхали в санатории Ессентуков.

[3] Речь идет о внебрачном сыне Л. Шестова — Сергее. В книге дочери Шестова указаны предположительный год его рождения (1892) и приблизительное время гибели — весна 1917 г. См.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. Т. 1. С. 21. По свидетельству Е. Герцык, известие о гибели Сергея пришло зимой 1916/1917 г. (*Герцык Е.* Воспоминания. М., 1996. С. 112). Упоминание о сыне Шестова встречается в письме Лундберга к К. А. Сюннербергу, отправленном 4 мая 1915 г. из Киева: «...вернусь в Москву к Шестову <...> Трудное у всех лето. Шестов в III-й раз провожает сына на войну» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 183, л. 36).

[4] Актриса Московского Художественного театра *Надежда Сергеевна Бутова* (1878—1921) с 1890-х гг. поддерживала с Шестовым дружеские отношения. Современники отмечали в ряду ее артистических достижений роль юродивой в спектакле МХТ'а «Николай Ставрогин» по роману «Бесы» Ф. М. Достоевского, поставленном в 1913 г. (см.: *Герцык Е.* Воспоминания. С. 106). Сохранилось три письма Бутовой к Ремизову, относящиеся к марту и июлю 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 38).

lib.pushkinskijdom.ru

22

Конец августа 1915 г. Петроград[1]

Пет<роградская> ст<орона>,
Широкая ул., д. 38, кв. 31.

Дорогой Алексей Михайлович,

Приехал из деревни, записочки от Вас не застал, звонил дважды, и опять ответ: «звонок не звонит».[2]

Посему сегодня очень Вашим молчанием обеспокоен. Как водится, две причины беспокойства. Не знаешь, здоровы ли, и где Вы, и во 2-х, собственные дела.

А дела вот какие. 1. В статье оказалось до огорчения много опечаток. Можно ли у «Л<укоморья>» просить корректуру рассказа? (Статья вообще оказалась очень неудачной — путанная, неясная).[3] 2. Хотел посоветоваться с Вами о теме след<ующей> статьи. 3. Хотел передать небольшой рассказ для «Л<укоморья>». 4. Хотел спросить, можно ли с ними считаться — остаток взять за рассказ и за статью и можно ли это сделать по телефону и через посыльного, и главное — 5. Стоит ли предложить «Л<укоморью>» издать рассказы около 12—15 печ<атных> листов, и на каких условиях они могли бы это сделать?[4]

Если не в труд, ответьте. Если с Вами удобно повидаться, назначьте, дорогой Алексей Михайлович, день и час. Если не удобно, сделайте указания письменно. До среды сижу в городе. — Если «Л<укоморье>» издаст, м<ожет> б<ыть>, оно согласилось бы издать — по 5 листов две книжечки 1) о Ремизове, 2) о Чехове.[5] И около 15 — «Война в изобр<ажении> Льва Толстого».[6] Хотел бы кроме этого узнать, что у Вас и Сер<афимы> Пав<ловны>.

Привет сердечный. Евг. Лундберг.

[1] Письмо датируется по содержанию.
[2] См. прим. 2 к письму 21.
[3] См. прим. 10 к письму 17.
[4] В данном случае речь идет о петроградском издательстве «Лукоморье», которое в 1916 г. выпустило книгу Ремизова «Укрепа. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе».
[5] Неосуществленный проект.
[6] Возможно, подразумевается статья «На конце меча. Наполеон и Каратаев», опубликованная в журнале «Современник» (1915. № 1. С. 108—125), которая являлась фрагментом предполагаемой книги.

23

8 (21) сентября 1915 г. Бернгардовка[1]

Бернгардовка.

Дорогой Алексей Михайлович — отчего люди разбегаются — об этом очень верно сказано в одном афоризме в «Крест<овых> сестрах» и в самом начале «Серебрян<ых> ложек».[2] Так всегда было

lib.pushkinskijdom.ru

и так будет. Сидя у В<ас>, я знал, что с квартирой будут трудности, подумал, не предложить ли свои услуги, а потом — думаю, «практически Федор Иванович Ремизовым привычнее и ближе,[3] он это лучше сделает», а Федор Иванович о ком-нибудь так же подумал, и т. д. и т. д. Единственная возможность обходить эти печальные камни, иметь людей, которым прямо и просто сказать можно: сделай то и то. Таких не много — обыкновенно те, кому можешь сказать, не умеют делать, а кто умеет и может, тому не скажешь. Так вот все и выходит. Я думаю, что мне всегда сказать можно, что надо сделать, и сделаю, вопрос так ли, как надо. Коли что, вызовите отсюда — только имейте в виду, что письмо (1 сл. нрзб. — *Е. О.*) идет. Не хворайте. Посылаю пакет — вряд ли очень вовремя. Привет.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Лейтмотив повести «Крестовые сестры» «человек человеку бревно» — парафраз известного латинского выражения «человек человеку волк» («homo homini lupus est»), являющийся краткой формулой жестокого закона человеческого бытия — соотносится Лундбергом с началом рассказа «Серебрянные ложки»: «Уж эти мне городишки, теплые да сытные с кулебякой, когда благополучно все, и трусливые, такие гадкие, когда беда стрясется. С голоду подохнешь на мостовой, под забором, — палец об палец никто не стукнет» (Факелы. СПб., 1906. Кн. 1. С. 167).

[3] Речь идет о близком друге Ремизова *Федоре Ивановиче Щеколдине* (1870—1919) — революционере, литераторе, с которым писатель познакомился в усть-сысольской ссылке в 1901 г. См.: *Дворникова Л. Я.* Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень» (Ф. И. Щеколдин) // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 231—242.

24

24 сентября (7 октября) 1915 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Я приготовил рассказ и две статьи для «Л<укоморья>»[2] и, не зная Вашего адреса, не решаюсь Вам их послать — ведь к 23 Вы должны были применить квартиру.[3] Если ответа от Вас не будет, пошлю по старому адр<есу> заказным. Здоровы ли? Привет.

Ваш Евг. Лундберг.

Адр<ес> для ответа: ст<анция> Бернгардовка, Ириновской жел<езной> дор<оги>.

[1] Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

[2] Публикации произведений Лундберга в журнале «Лукоморье» не были осуществлены.

[3] На новую квартиру, по адресу Песочная, д. 8, кв. 3, Ремизовы переехали 27 сентября 1915 г. См. составленную Ремизовым помесячную роспись адресов и поездок за 1913—1919 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 3).

lib.pushkinskijdom.ru

25

4 (17) октября 1915 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Михайлович — вчера послал заказн<ой> банд<еролью> заметку, сегодня высылаю заметку и рассказ «Ведьма»,[2] завтра еще небольшой рассказ — м<ожет> б<ыть>, можно еще куда-нибудь. Сижу в своей келье, болит нога, грызет тревога — зачислили меня на средний курс Психоневрологич<еского> института,[3] удача большая, а если не реализую своих рассказов, изгонят за «невзнос». Беспокоит меня очень, что не идет рассказ в «Лукоморье» — не случилась ли беда какая с ним? Сейчас кончать буду большую сравнит<ельно> вещь — пошлю в «Вест<ник> Евр<опы>» — придется послать под псевдонимом.[4] Простите за кухню всякую, что у Вас, и до лучших дней.

Ваш Е<вгений> Л<ундберг>.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Публикация рассказа не установлена.

[3] Психоневрологический институт был основан в Петербурге в 1907 г. и действовал на правах частного учебного заведения, готовившего преподавателей, юристов и врачей на соответствующих этим специальностям факультетах. В архиве Психоневрологического института (Центральный исторический архив СПб.) студенческое дело Лундберга не сохранилось.

[4] В 1915 и 1916 гг. произведения Лундберга в журнале «Вестник Европы» не публиковались.

26

6 (19) октября 1915 г. Петроград[1]

Все тот же дождичек деловых писем, дорогой Алексей Михайлович. О Моравской получили верно уже.[2] II пакет о мерзавце Когане тоже, верно, получили,[3] рассказ получите завтра. Можно ли сделать, чтобы за мною остались (кто-ниб<удь> др<угой> не написал бы?!) о 3 биографиях Ромэна Роллана (Бетховен, Микель-Анджело и Толстой) и о Каролине Павловой в изд<ательстве> Некрасова.[4] Пришлю на днях, кончаю. Болит нога, тем способнее работать. Кажется, придется решиться на новую операцию. Надеюсь, и Вы, и Сер<афима> Павл<овна> здоровы. Привет.

Евг. Лундберг.

Можно ли рассчитывать на издание рассказов?

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Подразумевается рецензия «О поэтической нищете и нищей поэзии» на сборник стихов «Золушка думает» (Пг., 1915) *Марии (Магдалины Франчески) Людвиговны Моравской* (1889—1947), которую Лундберг опубликовал в петроградской газете «Голос» (1915. 2 дек., № 32. С. 3).

[3] Лундберг имеет в виду свою статью «Критика некстати и невпопад» (Голос. 1915. 12 нояб., № 12. С. 3), в саркастических тонах представлявшую книгу историка литературы *Петра Семеновича Когана* (1872—1932) «Пролог. Мысли о литературе и жизни», вышедшую в Петрограде в сентябре 1915 г. Ср.: «После четырнадцати или

lib.pushkinskijdom.ru

пятнадцати томов компиляций и очерков по истории литературы П. С. Коган разрешил себе критическую вольность — книгу афоризмов „Пролог", иначе „Мысли о литературе и жизни"». См. также: *Горнфельд А.* Пошлость и гениальность // Русские ведомости. 1915. 28 окт., № 247. С. 6.

[4] Речь идет о намерении Лундберга написать для газеты «Голос» рецензии на три книги Р. Роллана, вышедшие в издательстве М. И. Семенова: «Жизнь Бетховена» (Пер. с 3-го франц. изд. С. Тарасова. СПб., 1912); «Жизнь Толстого» (Пер. с франц. И. Гольденберга. Пг., 1915); «Микель Анджело» (Пер. А. Закржевской; Под ред. П. Юшкевича. Пг., 1915), а также на полное собрание сочинений в 2-х томах К. Павловой (Ред. и вступ. ст. В. Брюсова. М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1915). Однако в данном случае Лундберга опередил постоянный рецензент газеты «Голос» Н. Д. Носков, который опубликовал отзывы на эти книги под псевдонимами «Н-в» и «Ник. Н-в». См.: Голос. 1915. 3 нояб., № 3. С. 6; 1915. 1 дек., № 31. С. 6.

27

15 (28) октября 1915 г. Петроград[1]

15/X. 1915.

Дорогой Алексей Михайлович, открытку В<ашу> получил, спасибо — письма ходят аккуратно, а все печатное и писанное в бандер<олях> запаздывает, верно, есть читатели. Я В<ам> послал еще о «Критике» Когана[2] — если не в труд, м<ожет> б<ыть>, прочтете. Боюсь, неприлично. Пос*лал* рассказ и Павлову:[3] высы*лаю* о войне и 2 рассказа — делайте, что хотите. Работаю, сколько хватает сил, повесть посылаю в «Вест<ник> Евр<опы>», большой рассказ в «Р<усскую> мысль».[4] Кроме чувства, что «не у дел», «в забросе» и желанья изменить это чувство, хочу удержаться в Психоневрологич<еском>, и затем — стыдно сказать 32-летнему литератору — не в чем приехать в город. Я-то мирюсь с этим легко. Здесь собаки, да ели, да белки — но все-таки не без конца же. — Если у Вас нет дров, м<ожет> б<ыть>, попытаться отсюда прислать. Здесь по 9 рубл<ей> (были, не знаю, как сейчас) сажень смешанных, береза и ель, не худых, хотя «не 1-ый сорт» (так изъяснялся помещик). Если перевозка не станет очень дорого (можно узнать) и если погрузить на дрова капусту, картофель и пр<очую> дрянь, кот<орая> в 4 раза дешевле, чем в городе (если у Вас есть где хранить), м<ожет> б<ыть>, стоило бы это сделать. Подумайте и напишите. — Сераф<има> Павл<овна>, верно, хохочет сейчас над моею хозяйственностью. Ну, не хворайте и не поминайте лихом.

В<аш> Евг. Лун<дберг>.

[1] Почтовая карточка; место отправления устанавливается по почтовому штемпелю. По-видимому, Лундберг в это время находился во Всеволожске.

[2] Речь идет о статье, так и не появившейся в печати.

[3] Очевидно, рецензия (см.: п. 26, прим. 4), которая не была опубликована.

[4] По-видимому, речь идет о рукописи рассказа «Разными дорогами», которую редакция журнала «Русская мысль» получила 19 октября 1915 г. В книге для записей поступивших в редакцию рукописей за 1915 г. рукопись зарегистрирована за № 308 (РО ИРЛИ, ф. 264, № 41, л. 168). Публикация не состоялась.

lib.pushkinskijdom.ru

28

23 октября (5 ноября) 1915 г. Всеволожск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваша последняя открытка очень порадовала меня — я думал, что «Учитель» затерян. Гранок до сегодня еще не получил (пятница) — оттого и пишу на всякий случай. Отчего бы «Лукоморью» не закрепить за мною порядок 2 раза в месяц по статье — спокойно бы писал! По газетам знаю, что у Вас тьма и туман, здесь солнце было. Надеюсь, здоровы. Привет.

Ваш Евг. Лун<дберг>.

[1] Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

29

30 октября (12 ноября) 1915 г. Всеволожск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

прочел сейчас в «Дне» письмо Лукоморцев.[2] Бог с ним, с журналом — тошно и не хочу закрывать себе двери в др<угие> места. Послал письмо в «День».[3] На неделе снова буду у Вас.

Ваш Евг. Лундберг.

Рассказ «Учитель» погасит *весь* аванс — осталось 150 рублей. Пусть сейчас же вернут статьи. Написать?

[1] Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

[2] Подразумевается «Письмо в редакцию», подписанное С. Ауслендером, М. Долиновым, Г. Ивановым, Н. Киселевым, Н. Кузнецовым, М. Кузминым, В. Модзалевским, А. Рославлевым, Б. Садовским, Ю. Слезкиным и Ф. Сологубом, о прекращении сотрудничества с журналом «Лукоморье» в связи с сближением ряда его сотрудников с реакционным «Новым временем» (День. 1915. 30 окт., № 299. С. 3). См. также: *Homunculus.* Экс-лукоморцы // День. 1915. 31 окт., № 300. С. 3.

[3] Ср.: «М. г., г. редактор. Прошу вас присоединить мою подпись ко списку лиц, вышедших из состава редакции журнала „Лукоморье". К сожалению, я лишен возможности помешать появлению в журнале посланных ранее настоящего заявления заметок и рассказа» (*Лундберг Е.* Письмо в редакцию // День. 1915. 1 нояб., № 301. С. 5). Ср. также с письмом Лундберга к К. А. Сюннербергу от 19 октября: «...меня тревожит моя работа в „Лукоморье", я сам знаю, что пошел туда по гадости своей, но хотел бы слышать и В<аш> приговор — так уж ли это непроходимо мерзко. Иначе я поступить не мог. Закончил целый ряд рассказов, рассылаю по редакциям без надежды большой на коммерческую удачу» (РО ИРЛИ, ф. 474, № 183, л. 48).

lib.pushkinskijdom.ru

30

31 октября (13 ноября) 1915 г. Всеволожск[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Гранок сегодня (пятница) еще нет. Чуть придут, исправлю и возвращу. В начале след<ующей> недели во втор<ник> или в среду приеду в П<етер>б<у>рг и, конечно, созвонившись, буду у Вас. Хотелось бы, чтобы в вечер, когда у Вас никого не будет, ибо... внешность моя немножко неподходящая. — Мне очень хочется избавить Вас поскорее от посреднической роли между «Лук<оморьем>» и мною — это скучно, и беспокойно, поговорим, к<а>к это сделать. Привезу с собою ряд рассказов, а Вы скажете, куда их. Лежит у меня на столе книга рассказов Никандрова[2] (грубоватая), если бы получить книгу расск<азов> Добронравова,[3] написал бы о них двоих. Если «Лук<оморье>» будет очень откладывать печатание статеек о литературе, она (так! — *Е. О.*) потеряет смысл. О мерзавце Когане следовало сейчас после статьи Батюшкова в «Речи».[4] До свидания. Спасибо за хлопоты. Привет С<ерафиме> П<авловне>. Итак, во вторник или в среду звонюсь к Вам, сюда уже не пишите.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка; дата и место отправления устанавливаются по почтовому штемпелю.

[2] Подразумевается сборник рассказов «Береговой ветер» (СПб., 1915) *Николая Никандровича Никандрова* (наст. фам. Шевцов; 1878—1964). Анонимный отзыв на этот сборник был опубликован в разделе рецензий журнала «Русские записки» (1915. № 11. С. 312—315).

[3] Возможно, речь идет о предполагавшейся (но несостоявшейся) публикации сборника рассказов *Леонида Михайловича Добронравова* (1887—1926), известность которому принес роман «Новая бурса», первоначально опубликованный в журнале «Заветы» и напечатанный отдельным изданием в 1913 г. Очевидно, что упоминание этого автора объясняется личным знакомством Ремизова с Добронравовым. См.: *Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 259, 262. См. также письма Добронравова к Ремизову, относящиеся к 1913—1915 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 69).

[4] Подразумевается статья Ф. Батюшкова «О критических очерках Д. С. Мережковского и „критическом“ манифесте П. С. Когана» (Речь. 1915. 14 окт., № 283. С. 2), где, в частности, опровергается основная идея брошюры Когана «Пролог. Мысли о литературе и жизни» — так называемое «упразднение личности писателя», согласно которой «поэтические образы и литературные произведения возникают как-то из среды читателей, причем лишь случайным выразителем их является тот или иной автор».

31

12 (25) ноября 1915 г. Петроград[1]

Дорогой Алек<сей> Мих<айлович>,

1. *Не откладывая,* очень прошу, освободите статьи мои[2] и рассказ — *очень нужны,* ведь это дело 3 минут по телефону. Нужны *сегодня, завтра* — а там будет поздно.

lib.pushkinskijdom.ru

2. Сообщите мне точно: как устраиваются В<аши> дела в ближайшем будущем. Если надо что-нибудь устроить, сейчас есть возможности. Вы понимаете, что запрос этот я к Вам направляю *не зря.* — Рукописи мои, рукописи!! Адр<ес>: Широкая ул., д. 38, кв. 31. По телефону (можно вызвать, обождав, пока позовут) 563-32.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Вероятно, одна из этих статей под названием «Параллели», посвященная сравнительному анализу литературной жизни Петрограда и Москвы, была некоторое время спустя опубликована в газете «Голос» (1915. 26 нояб., № 26. С. 3). Ср.: «Да, строго говоря, Москва и Петроград сейчас как-то странно умерли для поэзии, заменили дар песни — ремеслом. В противоположность им деревня запела так умно, глубоко, смело. <...> Поэзия книжная, главным образом, „петроградская", стремится сейчас погасить в сознании общества все идеи, все настроения, которыми оно когда бы то ни было жило; она проявляет в этом и слабость чувства, и недальновидность, ибо стремится не к углублению эмоций и их отражению, а к упрощению».

32

5 (18) декабря 1915 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

не звонился и не приехал к Вам — заболел инфлуэнцой (так! — *Е. О.*). Только что получил корректуру Лукоморскую[2] — шла больше месяца. Чуть оправлюсь, позвонюсь. Надеюсь, и Вы и Сер<афима> Павл<овна> здоровы.

Ваш Евг. Лундберг.

Широкая, 38, кв. 31.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Неизвестный текст, который так и не был опубликован в журнале.

33

23 декабря (5 января 1916) 1915 г. Бернгардовка[1]

23/XII. Бернгардовка.

Дорогой Алексей Михайлович,

выпала «больная» зима, вот уж вторую неделю хвораю тяжелой ангиной и бронхитом. Оттого и у Вас не был. — Добрых Вам праздников, Вам и Серафиме Павловне. Если будут вкусные бабы рождеств<енские>, 1 ломоть сохраните для меня между окон.

Ваш Евг. Лундберг.

В «Русск<ую> мысль» приняты повесть и рассказ.[2]

[1] Почтовая карточка; год устанавливается по почтовому штемпелю.

lib.pushkinskijdom.ru

[2] Возможно, речь идет о повести «Вражьи силы», которая была напечатана в журнале «Русская мысль» (1916. Кн. 8. С. 100—140), а также о неизвестном рассказе, оставшемся неопубликованным.

34

30 декабря (12 января 1916) 1915 г. Петроград[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Видел «Речь»[2] — как это Вы полотеров, зайцев и банку бруснично-го варенья на окне забыли? Полноты нет! Но вместо полноты мягкость чрезвычайная — даже удивительная. Напишите о себе — есть ли вести из Москвы?[3] Я пока похварываю, но лучше уже мне. Около 10/I уеду, через Москву и, м<ожет> б<ыть>, удастся говорить там о существенном. Привет, поздравления и пр<очее>.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Подразумевается публикация ремизовского рассказа «Исаич» в рождественском номере газеты «Речь» (1915. 25 дек., № 355. С. 6—7).

[3] Очевидно, источником известий был Шестов, который с октября 1914 г. поселился в Москве. Вместе с М. О. Гершензоном Шестов старался устроить в издательстве Сабашниковых том сочинений Ремизова. См. письма Шестова к Ремизову от 14 и 22 декабря 1916 г. (Русская литература. 1992. № 4. С. 121—122), а также письмо М. О. Гершензона к С. П. Ремизовой-Довгелло от 4 декабря 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 51, л. 4). Издание не осуществилось.

35

14 (27) января 1916 г. Бернгардовка[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

в пятницу я опять и довольно сильно захворал, едва сегодня (13/I) встал, а выехать из Берн<гардовки> удастся не так скоро; очень ослабел. Напишите, какое дело? — Поездку из-за болезни также пришлось отложить. Я отнюдь не «сожалею», что Вы не «подробно» написали о «страннике Евгении» — совершенно напротив, так что и отдельный рассказ о нем — вряд ли доставит жертве рассказа большое удовольствие.[2] — Что «Скарб» — так долго не появляется?[3]

До свиданья, — вероятно, буду в конце следующей недели. Кстати, напишите, если не секрет сейчас же, сколько Вам платила «Русск<ая> мысль», и надо ли с ними торговаться. Привет Сер<афиме> Павл<овне> и Вам.

Ваш Е. Л<ундберг>.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Подразумевается рассказ «Исаич». См. прим. 2 к письму 34, а также преамбулу к настоящей публикации.

[3] Инициатива этого, так и не осуществленного, издания принадлежала А. М. Ремизову и С. М. Городецкому. В ответ на предложение Ремизова участвовать в сбор-

lib.pushkinskijdom.ru

нике литератор В. Н. Унковский писал 3 мая 1915 г.: «Конечно, я согласен, чтобы мой рассказ был напечатан в сборнике „Скарб". В издании, редактируемом Вами, мне выступить очень лестно. Цель сборника глубоко симпатичная — я охотно внесу свою лепту в пользу разоренных поляков. Я объездил в нынешнем году Польшу и насмотрелся таких ужасов, которых не забуду всю жизнь. Мы все должны помогать им — нашим братьям по крови, волею судьбы столько претерпевшим» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 214, л. 4). Представление о предполагаемом составе участников сборника дает и письмо Городецкого к Ф. Сологубу от 10 января 1916 г.: «В „Скарб", для которого мы с Алексеем Михайловичем Ремизовым просим у Вас стихотворение (или рассказ — что пожелаете), прислали свои вещи: из поэтов: Бальмонт, Балтрушайтис, Блок, Ахматова, ее муж <Н. Гумилев>, Вячеслав <Иванов>, Рукавишников, Верхоустинский, Есенин, Клюев, Верховский, Пяст, Тэффи и др., а из прозаиков, главным образом, школы Ремизова (Замятин, Соколов, Щеколдин, Шишков, Михайлов, Унковский); кроме меня: Будищев, Добронравов, Крачковский, Лазаревский, Садовской и др. Куприн и Брюсов — обещали и до сих пор нет. Я чрезвычайно прошу и Вас присоединиться. За одним исключением, все вещи появятся в сборнике впервые. Кроме того, что Вы пришлете, я прошу Вас указать мне, что у Вас было напечатано на польские темы и разрешить мне перепечатать» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 198, л. 20—21). См. также упоминания об этом сборнике в письмах к Ремизову А. И. Тинякова, относящихся к ноябрю 1915 и февралю 1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 207), И. А. Новикова, который интересовался этим изданием до ноября 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 143), а также в недатированном письме И. С. Рукавишникова (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 175, л. 13).

36

25 февраля (10 марта) 1916 г. Всеволодо-Вильва[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

хоть Вы и не очень любите, когда Вас тревожишь своими делами, но никак не могу сейчас иначе поступить: мне очень нужна корректура Фрагментов[2] из «Скарба», и нужна скоро. Предполагается в Москве издание рассказов, и кое-что из фрагм<ентов> хочу внести в книгу. Если Вы не можете этого сделать, сообщите, б<удьте> д<обры>, адрес Городецкого,[3] но *все-таки* ответьте, не откладывайте, как в др<угие> разы. Надеюсь, и Вы, и Сер<афима> Павл<овна> здоровы. Всего Вам лучшего.

Ваш Евг. Лундберг.

Адр<ес>: ст<анция> Всеволодо-Вильва Пермской жел<езной> дор<оги>. Вообще, когда выйдет «Скарб»?

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю. С января 1916 г. Лундберг отправился на несколько месяцев «в объезд России». На Урале он прожил почти два месяца. См. прим. 3 к письму 38.

[2] Возможно, речь идет о лирико-философских миниатюрах из книги «Фрагменты», частично опубликованных в книге «Белые ночи. Петербургский альманах» (1907).

[3] Поэт и прозаик *Сергей Митрофанович Городецкий* (1884—1967), по-видимому, впервые познакомился с творчеством Лундберга осенью 1909 г., когда получил от Ремизова сборник его рассказов «Мои скитания». 26 сентября Городецкий писал Ремизову: «Спасибо за Лундберга. Скитания мне нравятся, и я непременно дам отзыв!» (РНБ, ф. 634, № 95, л. 9). Однако это намерение так и не было исполнено.

lib.pushkinskijdom.ru

37

2 (15) марта 1916 г. Всеволодо-Вильва[1]

Адр<ес>: ст<анция> Всеволодо-Вильва
Пермской ж<елезной> д<ороги>.

Дорогой Алексей Михайлович,

Если хотите статей об «Укреп<е>»,[2] пришлите книгу. (Я связался с «Утром России»[3] и «Пермской жизнью»[4] — просят статей). Так же хочу книгу Замятина, чтобы написать.[5] И В<ашу>, и Замятина, если нет авторских, пусть какой-ниб<удь> магазин вышлет наложен<ным> платежом — но *немедленно,* много времени уходит на пересылку.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Сборник рассказов Ремизова «Укрепа. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе» (Пг.: Лукоморье, 1916).

[3] «Утро России» — московская общественная, политическая и литературная газета, которая выходила в 1907 г. и с 1909 по 1918 г. Редакторы: И. Ф. Родионов, В. К. Садков.

[4] «Пермская жизнь» — ежедневная политическая и общественно-литературная газета, выходившая в 1915—1916 гг. Весной 1916 г. под псевдонимом Свен Лундберг опубликовал здесь цикл небольших очерков — «Заметки». В частности, см.: 5 марта, № 85. С. 3; 13 марта, № 92. С. 3.

[5] Свой отзыв на первый сборник произведений *Евгения Ивановича Замятина* (1884—1937) «Уездное. Повести и рассказы» (Пг., 1916) Лундберг включил в обзорную статью «О молодых», посвященную новому поколению литераторов, которая была напечатана под псевдонимом В. Берсенев в газете «Утро России» (1916. 9 апр., № 100. С. 3).

38

6 (19) марта 1916 г. Всеволодо-Вильва[1]

Дорогой А<лексей> М<ихайлович>. Спасибо за скорый ответ. Если Городецкий замедлит, я знаю теперь адрес, сам ему напишу. Рассказ для сборника[2] я могу прислать сейчас же, но рядом со словом рассказ у В<ас> есть определение — прилагательное, кот<орое> я не могу прочитать — не то «весенний», не то «лишний», не то «легкий». — Сейчас я пишу о деньгах в Москву, м<ожет> б<ыть>, удастся, наконец, добыть их. Но Бога ради не говорите об этом никому, а то опять выйдет вздор. Ведь знаете, отчего перед отъездом я не был у Вас? Создалось такое: «Л<ундбе>рг достанет мне 500 р<ублей>» — с одной стороны, *анекдот.* А с другой, у меня собралось на столе 4 или 5 В<аших> открыток и в каждой после подписи P. S. «*А 500 р<ублей> я еще не получил*» — точно я их родить могу. Я тогда очень на Вас рассердился: с одной стороны, для москвичей вид, что я чужими руками жар загребаю («Лундберг достает»!), с др<угой>, Вы точно вините меня в том, что я неудачно «посредничаю». И в итоге вышло, что в прошлом году для человека без имени

lib.pushkinskijdom.ru

легко добыли около семисот, в этом году для другого — что-то в этом же роде (я *для себя* там *не* беру), а для Вас ничего. Итак...

Привет С<ерафиме> Павл<овне>, — чуть будет ответ, сообщу.

Ваш Евг. Лундберг.

Если видитесь с Измайловым, поддержите меня в «Б<иржевых> ведомостях».[3]

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Очевидно, речь идет о сборнике «Пряник осиротевшим детям» (Пг., 1916) в пользу убежища общества Детская Помощь, собранном В. Н. Гординым и изданном А. Д. Барановской. При активном содействии Ремизова к участию в сборнике были приглашены многие петербургские поэты, однако произведения Лундберга в сборнике не появились. Ремизов поместил в «Прянике осиротевшим детям» два рассказа: «Сестра усердная» (С. 11—18) и «Оракул. Письмо географическое» из цикла «Россия в письменах» (С. 149—153).

[3] В газете «Биржевые ведомости» литературный критик, поэт и прозаик *Александр Алексеевич Измайлов* (1873—1921) занимал одну из ключевых позиций, заведуя литературно-критическим отделом с 1898 по 1916 г. 1 февраля 1916 г. Лундберг обратился к Измайлову с письменным предложением: «Милостивый государь Александр Алексеевич, хотя и не имею чести знать Вас лично, позволю себе к Вам обратиться по делу. В январе я отправился на несколько месяцев в объезд России (поехал сам, никем не командирован), буду на Урале, м<ожет> б<ыть>, в Сибири и наверное на Кавказе. Придется повстречаться с представителями различных сект. Буду на заводах, где работают военнопленные и китайцы. Мне бы хотелось, не обязываясь сроками, дать ряд корреспонденций о духовной жизни окраин во время войны. Часто писать я не могу, — раз, два в месяц. Быть может, „Биржевые ведомости" согласятся печатать такого рода очерки? В каком масштабе и на каких условиях?» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 3—4 об.). 26 марта Лундберг сообщал Измайлову: «Послал на имя М. М. Горелова несколько статей. На днях посылаю еще две-три, о „подъеме промышленности", и о вопиющем тайном алкоголизировании деревни. <...> Посылаю статью для Пасх<ального> № и о Шекспире — к юбилею» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 5). Весной 1916 г. в «Биржевых ведомостях» под псевдонимом Свен появилось три очерка Лундберга с повторяющимся названием «Из скитаний», которые были посвящены жизни населения на Урале (26 марта, № 15464. С. 2; 31 марта, № 15474. С. 3; 3 апр., № 15480. С. 4). Неизвестный текст, предназначенный для пасхального номера, а также статья о Шекспире — «Чудо святого Вильяма», название которой проясняется из письма к Измайлову от 4 апреля 1916 г. (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 3), остались неопубликованными.

39

30 марта (12 апреля) 1916 г. Всеволодо-Вильва[1]

Дорогой А<лексей> М<ихайлович> — не хочу зря обнадеживать Вас, но, *кажется,* дело с «оными» уладится.[2] Пожалуйста, напишите мне *имя-отчество* Измайлова. Жду В<аши> книги и Замятина — время уходит, не запоздать бы. Рассказ для сборника прислать не поспею — времени мало. Привет С<ерафиме> П<авловне>.

Ваш Л<ундберг>.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю.

[2] Ср. с письмом Лундберга к А. Н. Чеботаревской, отправленным из Финляндии 5 сентября 1913 г.: «...верно, завтра придут „оные". Совсем не входило в мои намерения

lib.pushkinskijdom.ru

облагать данью В<аш> кошелек и весьма был сконфужен этим обстоят<ельством>» (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 153, л. 24).

40

После 10 апреля 1916 г. Тихие Горы[1]

Мой новый адрес:
Тихие Горы Вятской губ<ернии>,
Директору заводов Т<оварищест>ва Ушаковых
инженеру Л. Я. Карпову[2]
для Е. Г. Лундберга.

Дорогой Алексей Михайлович,

Положения наши, вероятно, одинаковы. Как я не получил ни «Укрепы», ни Замятина (хотя просил хотя бы налож<енным> плат<ежом> заказать), ни корректур, так и Вы, видимо, не получили денег. Все понемногу нуждаются в чужих услугах, и все взаимно тяготятся друг другом. Так и вышло, что ни Вы, ни Высотские,[3] ни третье лицо, кот<орое> я назвать не в праве, не сделали нужного шага. Кстати, во избежание Ваших нареканий (буде деньги Вами не будут вообще получены) должен сказать, что как в ноябре, так и теперь, инициатива не *от меня* исходила, а от лица, написавшего мне (в ноябре): «если дела Ремизовых плохи, сообщите немедленно, можно заблаговременно кое-что устроить».

(В прошлом году это «кое-что» для писателя З.[4] дало около 700 р<ублей>). Вот как обстоят дела.

Сообщаю Вам новый адрес, ибо с первым пароходом уеду вниз по Каме от Старой Чердыни. Дела мои, кажется, пошли в гору. Видели уже под псевдонимами и увидите в печати довольно много вещей.[5] Закончил повесть.[6] Заканчиваю сказки для «Р<усской> мысли»[7] и т. д.

Рад был бы знать о Вас все, что делается. Надеюсь, здоровы и, надеюсь, сейчас Вам не очень худо (видел Ваши рассказы).[8] Что думаете предпринять на лето. В Тихих Горах я пробуду недолго, числа 10 мая уеду на Кавказ.

Привет Серафиме Павловне и Вам. Будьте здоровы и бодры.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Письмо написано на бланке «Конторы имения и Уральских заводов ее превосходительства Зинаиды Григорьевны Резвой»; датируется предположительно по содержанию.

[2] Ученый-химик Л. Я. Карпов упоминается в «Записках писателя. 1917—1920» (Л., 1930. Т. 1. С. 123).

[3] Неустановленные лица.

[4] Очевидно, Е. И. Замятин.

[5] Подразумевается статья «О молодых» под псевдонимом Берсенев (см.: прим. 5 к письму 37), который Лундберг активно использовал в 1911 г., когда посылал из Швейцарии в газету «Русские ведомости» свои корреспонденции. См.: *Берсенев.* Спортивная выставка в Женеве // Русские ведомости. 1911. 25 июля, № 145. С. 3; *он же.*

lib.pushkinskijdom.ru

Авиационный митинг в Женеве // Там же. 1911. 2 авг., № 177. С. 4; *он же.* Первая жертва авиации в Швейцарии // Там же. 1911. 9 окт., № 232. С. 6.

[6] Произведение не установлено.

[7] Произведения Лундберга в жанре сказок в журнале «Русская мысль» не публиковались.

[8] Подразумеваются рассказы Ремизова, опубликованные сразу в двух центральных газетах 10 апреля 1916 г.: «Перчатки» и «Свет нерукотворенный» из цикла «Среди мурья и неурядицы» — в «Биржевых ведомостях» (№ 15493. С. 2), «Днесь весна благоухает» — в «Речи» (№ 99. С. 4).

41

2 (15) мая 1916 г. Тихие Горы[1]

Дорогой Ал<ексей> Мих<айлович>, — Вы, видимо, обиделись немного за мое письмо. Это — ошибочно, т<ак> к<ак> я только указал общую картину общего неделания — и она верна. Сейчас статьи псевдонимной[2] у меня нет, к<а>к буду у места, на Кавказе, разыщу в бумагах и пришлю. Если «Укрепа» есть на вокзалах, добуду в пути. Весьма обяжете, если поговорите с Измайловым и если попросите его спасти в Б<ернгардо>вке мои рукописи. Газета мне нужна *очень.*[3] А издатель уже не нужен: гора с плеч. Мой приятель — изобретатель зимою организует для меня издательство и в первую голову будут изданы шесть книжек моих, так что работать, коли не околею голодною смертью, могу спокойно. № 4 пойдет книжка о Ремизове.[4] Так что даже беру обратно от московского издат<ельства> («Труд»[5]) все рукописи.

Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>. 3/V уезжаю, кавказский адр<ес> пришлю.

Ваш Евг. Лундберг.

Весь день рядом горит огромное село. Вотяки Кереметя[6] молят.

[1] Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

[2] Неустановленная публикация.

[3] Речь идет о заинтересованности Лундберга в сотрудничестве с «Биржевыми ведомостями». В письме А. А. Измайлову от 7 мая 1916 г. он уклончиво упоминал о своей просьбе: «Ремизов хотел с В<ами> поговорить о моем сотрудничестве» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 185, л. 14 об.).

[4] Несостоявшийся проект.

[5] Книгоиздательство «Труд», располагавшееся по адресу Тверской бульвар, д. 26, специализировалось на издании литературы по вопросам политической экономики, социологии и философии.

[6] Языческий бог Керемет в вотяцкой (удмуртской) мифологии — злой дух, способный навредить днем, в отличие от другого представителя нечистой силы (Акташа), который напускается на человека после захода солнца. При каждой деревне Керемету строились специальные молельни, непременно располагавшиеся среди деревьев, в рощицах и лесах. Ремизов, который упоминает Керемета в рассказе «Царевна Мымра» (1908), черпал сведения об этой мифологии из исследования Г. Верещагина «Вотяки Сосновского края» (Записки императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1886. Т. 14, вып. 2).

lib.pushkinskijdom.ru

42

2 (15) мая 1916 г. Тихие Горы[1]

Сейчас послал Вам, д<орогой> А<лексей> М<ихайович>, открытку, посылаю вслед. В Б<ернгардо>вке у меня до 2½ строк материалу, затем посланы Измайлову книга и рукопись статьи, его интерес<овавшие> — неужели все это пропадет.[2] Материал такого характера, что м<ожет> б<ыть> напечатан и в «Р<усской> мысли».[3] = Дело с издательством, кот<орое> буду редактировать, поставлено прочно, хотя и скромно. Деньги вносятся в Банк на нейтральное имя. Я успокоился от этой затеи очень, ибо могу работать, что́ хочу и как хочу, своя рука владыка. Ради этих дел придется уже раннею осенью бросить Кавказ и приехать в П<етер>б<у>рг — т<ак> к<ак> зиму я проведу опять на Урале за большой работой. Здесь и тише и жизнь не стоит, и охота, и лошади, и книги есть. Адрес кавказ<ский> сообщу.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Почтовая карточка; датируется по штемпелю.
[2] Неустановленные тексты.
[3] Первоначально написано и зачеркнуто: «в Б<иржевых> ве<домостях>».

43

8 (21) мая 1916 г. Самара—Саратов[1]

Самара—Саратов, на пароходе. 8 мая.

На Самарской пристани нашел «Укрепу». Когда пришлю кавказск<ий> адр<ес>, м<ожет> б<ыть>, напишете о переменах в «Бирж<евке>», и <как> изменяется «Петр<оградский> листок» со вкладом Измайлова.[2] На Волге тихо и просторно, давно такого покоя не видел.

Ваш Е<вгений> Л<ундберг>.

[1] Открытое письмо.
[2] Весной 1916 г. А. А. Измайлов ушел из газеты «Биржевые ведомости», в которой почти двадцать лет вел еженедельную рубрику «Литературное обозрение» и стал главным редактором газеты «Петроградский листок». Его уход из «Биржевых ведомостей» был связан со значительными изменениями в составе редакторов газеты и финансовым положением издания. «Книжная летопись» сообщала: «Право на издание перешло Т-ву на Паях С. М. Проппера — „Биржевые Ведомости“ в лице С. М. Проппера, В. А. Бонди, М. М. Горелова и М. М. Серова. Редакторские обязанности приняли на себя С. М. Проппер, В. А. Бонди, П. А. Васильев, Р. О. Висмонт, М. М. Горелов и Д. Ф. Розанов» (1916. 7 мая, № 18). В редакционную коллегию вечернего выпуска газеты вошел также И. И. Ясинский. Серию заметок, связанных с преобразованиями в «Биржевых ведомостях», см. также: Новая газета // Речь. 1916. 28 апр., № 115. С. 3; *Проппер С.* Письмо в редакцию // Речь. 1916. 29 мая, № 146. С. 5; Новые газеты // Речь. 1916. 28 мая, № 145. С. 4. Появление Измайлова в «Петроградском листке», известном своими бульварными интересами, значительно изменило программу этой газеты, которая скоро преобразовалась «в живой, интересный и опрятный по направлению литературный орган» (*Кауфман А.* Некролог // Вестник литературы. 1921. № 3. С. 13).

lib.pushkinskijdom.ru

44

16 (29) мая 1916 г. Архипо-Осиповка[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Мой адрес: станица Архипо-Осиповка, Черноморской губ<ернии>, Туапсинского округа, Старицкая ул., дача Юначки.

Место чудесное по тишине и уединенности: мой дом у самого моря, возле мельницы.

Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>.

Ваш Евг. Лундберг.

Писать сюда следует либо откр<ыткой>, либо заказн<ым>.

[1] Почтовая карточка; датируется по штемпелю.

45

14 (27) 1916 г. Архипо-Осиповка[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

с нашими письмами вечно выходит путаница. Ваше в Тихие Горы уже не застало меня, и получил его только сегодня, 14 июня. Конечно, послал бы рассказ для Китровраса,[2] да ведь теперь поздно, и Вас, к<а>к слышно, нет в П<етер>б<у>рге.

Я «блаженствую» у моря, тихо, дико, тепло. Когда тронусь дальше, не знаю. До осени пройду большую часть Кавказа. Когда возвращусь, напишите, что у Вас слышно.

Привет Сер<афиме> Павл<овне>.

Ваш Евг. Лундберг.

Станица Архипо-Осиповка, Черноморской губ., Туапсинского округа, Старицкая ул., дача Юначки.

[1] Почтовая карточка; датируется по содержанию.

[2] Вероятно, название несостоявшегося сборника, который упоминается также под названием «Легион» в письме Ремизова к Шестову от 3 мая 1916 г. (Русская литература. 1992. № 4. С. 118). Наименование «Китоврас», несомненно, принадлежало Ремизову и восходило к древнерусской повести «О Соломоне царе и о Китоврасе басни и кощуны». С этим апокрифическим сюжетом писатель связывал и собственные творческие планы. Начало большой работы, растянувшейся до конца 1920-х гг., относится к весне 1912 г., когда «Ремизов <...> просил И. А. <Шляпкина> указать ему литературу о Китоврасе», о чем свидетельствует запись от 12 мая 1912 г. Е. П. Казанович во второй тетради «Записи о виденном и слышанном» (РНБ, ф. 362, № 18, л. 63). О творческой истории неопубликованной мистерии о Соломоне и Китоврасе см.: *Грачева А. М.* Скифство в интерпретации Алексея Ремизова. Мистерия «Соломон и Китоврас» // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 89—95. В 1931 г. в парижской газете «Последние новости» писатель опубликовал легенду «Соломон и Сфинкс (Легенда о Китоврасе)» (19 апр., № 3679. С. 3).

lib.pushkinskijdom.ru

46

Конец июня 1916 г. Архипо-Осиповка[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Нам с Вами никак не удается списаться — письма расходятся. Ваше о сборнике уже не застало меня в Тихих Горах, было переслано сюда — стало быть, поздно пересылать рукопись.[2]

Книг не получил ни я, ни Карповы,[3] вероятно, с ними очередное «недоразумение».

Напишите, к<а>к прожили в Черниговской губернии и где проведете др<угую> часть лета.[4] Я очень доволен своей Архиповкой — глушь, тишина, тепло и чудесный пляж. Приехала сюда ко мне и Анна Елизаровна[5] с детьми, м<ожет> б<ыть>, позже приедет и Лев Исаакович. Жизнь ведем здесь природную — иначе нельзя: солнце обжигает, море расслабляет.

Был бы рад, если бы Вы написали из П<етер>б<у>рга, что́ делает в «Листке» Измайлов и как реформируется газета.[6] Я опять без работы — хотя сейчас это и легче здесь переносить, но к осени грозит осложнениями. Писали ли в деревне? Какие литературные новости? Я всех потерял из виду.

Привет Серафиме Павловне, как ее здоровье?

Ваш Евг. Лундберг.

P. S. Вопрос с издательством совсем налажен. Осень проведу здесь, зиму хочу на Урале, а в промежутке заеду недели на $1^1/_2$ присмотреть за печатаньем. Взял из «Труда» принятые туда 2 книжки.

Отчего бы Вам свое не предложить «Труду»? У них есть бумага.

[1] Датируется по содержанию. На письме имеется помета Ремизова о получении письма: «14 VII». На обратной стороне письма — письмо Ф. Щеколдина, который помогал Ремизовым в поисках новой квартиры: «29/VI—<19>16. Дорогой Алексей Михайлович, посылаю Вам это письмо уже по новому адресу; а вчера еще какое-то отправил по старому. „Речь" выписана *до 1го августа тоже туда* — к<а>к Вы распорядились. Ваше письмо получил. С инструкцией теперь будет определеннее; по мне все что-то еще не можется. — Особенно при переменах погоды. — В июле попробую ходить по „Новому времени"; объявления еще попадаются, только все не на Песках. Больше — за Б<ольшим> Просп<ектом> и на В<асильевском> О<строве>. — Думаю сперва уже вырешить со своим жилищем. — Да, ужасно все лень и с этим возиться. Скучно очень — вообще скучно. Кланяйтесь Серафиме Павловне. Будьте здоровы и веселы. Ваш Ф. Щеколдин».

[2] См. прим. 2 к письму 45.

[3] Семья Л. Я. Карпова, см. прим. 2 к письму 40.

[4] С 12 по 24 апреля Ремизовы находились в Берестовце Черниговской губернии, навещая свою дочь Наташу, которая тогда жила у родственников С. П. Ремизовой-Довгелло. С 12 августа по 10 сентября писатель с женой отдыхали в Ессентуках.

[5] Жена Л. Шестова, в девичестве Березовская.

[6] Речь идет о газете «Петроградский листок». См. прим. 2 к письму 43.

lib.pushkinskijdom.ru

47

7 (20) февраля 1917 г. Криницы[1]

Кр<иницы>. 7/II.

Дорогой Алексей Михайлович, спасибо за весть, за привет, рад, что свободны.[2] А я жду своих сроков совсем на днях. Воображаю, как Вы извелись, и Вы, и Сер<афима> Павл<овна>. Рассказ (плохой)[3] Вам перешлют в П<етер>б<у>рг. Если надо и можно, исправьте — вообще делайте, что найдете нужным. Если есть куда, сообщайте, пришлю рукописи, но пишите всегда, что́ надо, статью или рассказ, все равно какое или «получше».

Кровное. — Родился я 31 августа 1883 года. Что за заметка такая![4] — Раз у Вас телефон, запросите о рассказе Елену Порфирьевну,[5] телеф<он> д<окто>ра Холшевникова (Порф<ирия> Ник<олаевича>) — так скорее будет, чем письмами — спрос<ить> в 7—8 вечера.

Привет Вам и Сер<афиме> Павл<овне>. А я совсем одичал и жестоко тоскую в столь неподход<ящем> месте, к<а>к Кр<иницы>.[6]

Ваш Евг. Лундберг.

[1] На почтовой карточке помета Ремизова: «12 II 1917».

[2] Речь идет об освобождении Ремизова от воинской обязанности. Ср. с письмом его к А. Блоку от 10 января 1917 г.: «Освобожден я по ст. 65А (Хронич. гастрит, хронич. колит) и по ст. 37 (острота зрения 0,02 при 11 диоптриях)» (Переписка с А. М. Ремизовым // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн. 2. С. 122 (Литературное наследство; Т. 92, кн. 2)). Билет, временно освобождающий Ремизова от военной службы, был ему выдан 28 декабря 1916 г. (см.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 4, 9, 16 — Помесячная роспись адресов и поездок Ремизова за 1913—1916 гг.).

[3] Очевидно, речь идет о рассказе «Нечаянный грех», сохранившемся в архиве К. А. Сюннерберга (РО ИРЛИ, ф. 474, № 353). В конце рукописи Лундберг указал свой тогдашний адрес «П<очтовое>отд<еление> Береговое Черномор<ской> губ<ернии>, в Криницу». Кроме того, на первом листе имеется надпись рукой Ремизова. Сверху красными чернилами: «Евгений Лундберг»; вокруг названия — черными чернилами: «Ольге Димитриевне Форш / рукопись Лундберга / писанная им в кофейной Филиппова в / ожидании Ольги Димитриевны, / которая сидела в / той же кофейной / в соседней комнате, / ожидая Лундберга. / Назначено было / свидание (любовное) / Алексей Ремизов / 16 VII 1921». Очевидно, вторая надпись приписана с целью мистификации обстоятельств, времени и места создания этого произведения.

[4] Публикация не установлена.

[5] Вторая жена Е. Г. Лундберга.

[6] Черноморское село Криницы (между Туапсе и Сочи). Об истории поселения см.: *Лундберг Е.* Записки писателя. 1917—1920. Т. 1. С. 7—10.

48

8 (21) февраля 1917 г. Береговое[1]

Дорогой Алексей Михайлович, послал Вам открытку вчера и забыл написать: если Вам перешлют рассказ и если найдете нуж<ным> в нем что-ниб<удь> выбросить или исправить — Ваша воля. Рассказ

lib.pushkinskijdom.ru

плохой и исправлять некогда, спешу с переводами, ибо сроки совсем близки и денег, конечно, нет. Что со «Скарбом»? Видно, Городецкий окончит его к след<ующей> войне.[2] Посылаю Вам и статью «Криницы», для полки, читать не стоит, вранье.[3] А снимков мало — места здесь чудесно хороши. Звать Вас к нам на лето с Серафимой Павловной жариться на солнышке?

Будьте здоровы.

Ваш Евг. Лундберг.

Если возникают к<акие>-ниб<удь> издания, помните обо мне.

[1] Почтовая карточка; датируется по почтовому штемпелю. «Береговое — село, в двух верстах от Криницы и от моря» (*Лундберг Е.* Записки писателя. 1917—1920. Т. 1. С. 7).

[2] По-видимому, замысел сборника «Скарб» потерял актуальность уже весной 1916 г., когда С. Городецкий уехал на Кавказ, где находился несколько лет.

[3] Очевидно, речь идет о рецензии на книгу «Четверть века „Криницы“» (Киев: Изд. кооперативного журнала «Наше Дело», 1913; с илл. и предисл. М. И. Туган-Барановского), опубликованной под криптонимом «А. И.» в апрельской книжке журнала «Заветы» за 1913 г., автор которой подробно останавливается на истории этого поселения, возникшего в семидесятые годы XIX в. как «религиозно-коммунистическая община» благодаря идеям активистов петербургского «литературно-художественного кружка Серова» (С. 197—198).

49

31 декабря (13 января 1918) 1917 г. Петроград[1]

31/XII.

Дорогой Алексей Михайлович,

Поздравляю Вас и Сер<афиму> Мих<айловну> (так! — *Е. О.*) с праздниками — так занят это время, что никуда ни шагу. На днях позвонюсь, чтобы договориться о свидании. Если удобно будет, позовите тогда и Мих<аила> Мих<айловича> — у нас спор еще не кончен.[2]

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Датируется по почтовому штемпелю. На почтовой карточке помета Ремизова о получении: «2.I.1918».

[2] Ср. с записью в дневнике Ремизова от 10 декабря 1917 г.: «Вчера были (1 нрзб.), Приш<вин>, Лунд<берг> и (1 нрзб.). Принесли папиросы. Спорить так не годится. Спор у нас одно оскорбление. „Не хитри в деле сем“» (*Ремизов А.* Дневник 1917—1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Сб. 16. С. 472). Очевидно, предметом споров стали, с одной стороны, радикальные убеждения Лундберга, с другой — консервативная политическая позиция М. М. Пришвина, обусловившая его участие в правоэсеровской газете «Воля народа». Ср. также с записью писателя в дневнике (октябрь 1917): «Одно из сит демократии — „Воля народа“, в которой я теперь по недоразумению пребываю, исповедует чистую наивную веру в русскую демократию. Это самый невинный орган и чистый от искательства „демонов“» (*Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. М., 1991. С. 375).

lib.pushkinskijdom.ru

50

Около 28 января (10 февраля) 1918 г. Петроград[1]

Верейская ул., 2, кв. 9.

Дорогой Алексей Михайлович,

Вы знаете, что я далеко от партий, литературн<ых> дрязг и пр<очего> и, м<ожет> б<ыть>, в силу этого по-хорошему воспримите мой совет, кот<орый> я вправе дать, во 1-х, по долгому нашему знакомству, во 2-х, потому, что люблю Вас.

Всякая литерат<урная> — и иная — борьба хороша, когда она ведется умными и честными руками. Сегодня я прочел в «Воле народа» статью об Иванове-Разумнике.[2] Вы знаете, к<а>к во многом расходимся мы с Ив<ановым>-Раз<умником> — не меньше, чем с Вами расходимся. Бранить одного, обелять другого у меня нет ни желания, ни причин.

Но ясно одно: 1) Статья «Воли народа» оскорбительна для Вас, ибо Вы трактуетесь как дурачок в ней. 2) Статья лично-озлобленная. 3) Злоба в ней дурная — и глупая, и пошлая, и пошло выраженная; эту статью не мог по тону и по словам написать порядочный человек. 4) Всем известно Ваше влияние на бедного запутавшегося Мих<аила> Мих<айловича> Пришвина. 5) Всем известны Ваши личные связи, сердечные и деловые, с Ив<ановым>-Раз<умником>.

Это, с одной стороны.

С другой — Разумник делает свое литерат<урное> дело и умно и чисто.

Ну-ка, сопоставьте. Вы понимаете, в каком положении оказываетесь Вы, если Вас будет защищать пошлым тоном какой-то (вероятно, по стилю коллективный), между нами будь сказано, дурак? (Статья непроходимо глупа и мерзка.) Ведь это же марает Вас? Неужели Вы этого не видите? Марает и Пришвина. Если не Вы, то Серафима Павловна должна это видеть.

Что бы ни было впереди, Вы не должны смешиваться с мелкими и пошлыми защитниками. Вы должны, как писатель, отмежеваться. Если Вы сами или чужие руки поведут борьбу литерат<урную> умно, зло, яростно — все будет хорошо. Если глупо, мерзко и пошло, это на Вас же упадет.

Мой привет Вам и Серафиме Павловне. Вытащите Вы Пришвина из газетной сутолоки: загубит свой талант, измается, жалко. И себя поберегите.

Ваш сердечно Евг. Лундберг.

[1] Сверху имеется помета Ремизова о получении: «28.I». Письмо датируется по помете Ремизова.

[2] Имеется в виду статья «Подкалыватель», подписанная псевдонимом Ип. Трилесов, которая была напечатана в газете правых эсеров «Воля страны» (первоначальное название — «Воля народа»). Статья носила «разоблачительный» характер по отношению к редактору «Скифов» Иванову-Разумнику, который во второй книге альманаха поместил по соседству ремизовское «Слово» и собственную статью «Две России». Признавая высокие художественные достоинства произведения Ремизова, критик вместе с тем охарактеризовал общественную позицию писателя как реакционную. Факт одно-

lib.pushkinskijdom.ru

временной публикации «Слова» и статьи, содержавшей резкую критику, в контексте бурных политических событий был расценен как провокация и донос: «Ив.-Разумник упросил Ремизова напечатать „Слово", как прекрасную, сильную вещь и в своем „чисто-литературном" сборнике „Скифы" (заманил в уголок). Действительно, напечатал. Сполна. Но тут же, после Ремизова, напечатал и свой... доносик на Ремизова. Именно доносик, если не целый доносище (подколол). Назвать иначе статью Разумника о Ремизове и его „Слове" — нельзя. Весь сопроводительный арсенал литературных красот, все библейские и евангельские цитаты, кощунственно (и невежественно) вывертываемые наизнанку — лишь гурманство подкалывателя, утончение шила, чтобы поглубже вошло. А суть в доносе. И доносит Разумник — следующее: Ремизов защищает „самодержавие, православие и народность". Ремизову ненавистна *всякая* революция» (1918. 24 янв., № 8. С. 1—2).

51

Около 26 (13) февраля 1918 г. Петроград[1]

Верейская ул., д. 2, кв. 9.

Дорогой Алексей Михайлович,

готов на всякие услуги, но говорить с Разумником после «подкалывателя» надо Вам непосредственно, а не через посредников. Дел со «Скифами» В<аших> я не знаю, о Вас бесед не вел — но думаю, что вряд ли «Скифам» удобно Вас печатать после «заманул — подколол».

Я Вам своевременно писал об этом — но Вы мне на письмо, конечно, не ответили. Самое большее, что можно сделать без Вашего участия, это попросить Разумника телефонировать Вам для переговоров по делу — это я сделаю в первое же свидание с ним.

Всего доброго Вам и Серафиме Павловне.

Ваш Евг. Лундберг.

[1] Сверху имеется помета Ремизова о получении: «26/13.II». Письмо датируется по помете Ремизова.

52

Апрель 1918 г. Москва[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

не знаю, дошло ли до Вашего сведения, что я заменяю Раз<умника> Вас<ильевича> в «Зн<амени> труда».[2] В настоящее время, чтобы освободить литерат<урный> отдел от воздействия политики, я организовал при «Знамени труда» еженедельник литерат<уры> и искусства.[3]

Я рад был бы, если бы Вы, Мих<аил> Мих<айлович>, Замятин и др. приняли участие в Еженедельнике[4] — желательны рассказы и заметки до 450 строк, *вне* политики, чистые художественно, чистая литература.

lib.pushkinskijdom.ru

Если мое предложение Вам подходит, соберите материал у себя и у других и пришлите его спешно через артель на Николаевском вокзале — по почте дольше, вместе с согласием внести Вас в списки сотрудников.[5] Нужны стихи, статьи, рассказы, очерки, рецензии, хроника. Желательны — все без изъятия.

Ответьте, пожалуйста, немедленно и других просите ответить.

Ваш Евг. Лундберг.

Адрес мой: Пречистенка, Левшинский пер., д. 9/11, кв. 4 (Ив. С. Егорова), мне.

[1] Сверху помета Ремизова с датой получения: «15/2. IV. 1918». Письмо датируется по содержанию. В середине марта Лундберг переехал в Москву, где служил в качестве сотрудника Наркомпроса. Ср. с реакцией Ремизова на это известие: «В Бресте подписан мир с немцами. <...> Вчера сбрасывали с аэропланов бомбы на Фонтанке. — Задавит, — говорят, — нас немец! И называют число — 23-ье марта: — 23-го марта немцы займут Петербург! Разбегаются: кто в Москву, кто куда. Улепетнул и Лундберг, чудак!» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 195).

[2] Подразумевается политическая и литературная газета «Знамя труда» — центральный орган партии социалистов-революционеров, — выходившая под редакцией Р. В. Иванова-Разумника, Б. Камкова, В. Карелина, И. Штейнберга, В. Трутовского, Д. Магеровского, С. Мстиславского, Е. Лундберга и В. Левина, издание которой с марта 1918 г. осуществлялось в Москве. Лундберг выполнял в газете обязанности заместителя руководителя литературного отдела и публиковал статьи под общим заглавием «Под знаком зодиака».

[3] Имеется в виду временник литературы, искусств и политики «Знамя труда», два выпуска которого вышли в Москве, в издательстве «Революционный социализм» под редакцией Иванова-Разумника, В. А. Карелина и Е. Г. Лундберга (1918. № 1. Июнь; 1918. № 2. Июль). В первом выпуске Лундберг опубликовал статью «„Апокалипсис" В. В. Розанова» (С. 25—27).

[4] Никто из перечисленных авторов во временнике «Знамя труда» не печатался.

[5] Списки сотрудников в «Знамени труда» не публиковались.

lib.pushkinskijdom.ru